Марина Эльденберт

Заклятая невеста

18+

Леди Энгерии

Марина Эльденберт

Заклятая невеста. Расширенная версия

«Автор»

2024

Эльденберт М.

Заклятая невеста. Расширенная версия / М. Эльденберт — «Автор», 2024 — (Леди Энгерии)

Аурихэйм — мир из легенд и сказок. Мир, наполненный магией столь могущественной, что сложно даже представить, насколько силен его повелитель. Мне довелось стать его невестой, и все, что я могу сказать — сказки лгут. Не лжет только сердце, но даже ему я сейчас боюсь верить.Авторская версия + бонус — повесть «Снежное колдовство».

© Эльденберт М., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Заклятая невеста 5
Пролог 5
Часть 1. Невеста 8
1 8
2 11
3 16
4 20
5 25
6 31
7 37
8 42
9 47
10 50
11 56
12 60
13 66
14 71
15 75
Часть 2 78
1 79
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Марина Эльденберт
Заклятая невеста. Расширенная версия

Заклятая невеста

Пролог

– Леди Лавиния! Ваш муж… он…

Судя по тому, как Элизабет прижимала руки к пылающим щекам, случиться могло все, что угодно, поэтому я поспешно вскочила.

– Что? Где он?

– Милорд… виконт Эрден, он…

Лицо моей камеристки пошло красными пятнами, и я повысила голос:

– Что с ним?!

– Он с мисс Роунс, в своей комнате. Они… они там… я готовила вам ванну, а когда возвращалась, услышала звуки, и…

– Достаточно.

Элизабет, готовую вот-вот упасть в обморок, я усадила на кушетку в изножье кровати, она снова прижала ладони к щекам, словно пытаясь стереть с них краску.

– Жди здесь, – сказала я. – И никому ни слова. Понятно?

– Но миледи… – Элизабет начала было подниматься, но я уронила ее обратно.

Взглядом.

Некоторые наивные полагают, что я сущий цветочек, и виной тому – моя светлая магия, магия жизни. Вот только к цветочку прилагается девичья фамилия Биго, фамилия моего брата, герцога и правой руки королевы, а это уже о чем-то да говорит. Преимущественно тем, кто умеет слушать.

Майкл, судя по всему, не умеет.

Камеристка кивнула, а я расправила плечи и вышла в коридор. В этом доме, доме моего мужа виконта Эрдена мне знакома каждая половица и каждый поворот. Я могу пройти с закрытыми глазами и не разу не оступиться до самой лестницы, затем спуститься вниз и то же самое повторить на первом этаже, вот только сейчас на первый этаж мне не надо. Комната мужа располагалась в конце коридора, и расстояние до нее я преодолела, как полагается истинной леди – расправив плечи и не спеша.

У двери остановилась и постучала.

Громко.

В комнате раздался судорожный вздох, потом что-то упало, и сразу после этого я вошла.

Картина, представшая мне, была достойна дешевого трагифарса: прижимая платье к груди, на меня таращилась наша новая горничная, миловидная блондинка с пухлыми чувственными губами, а муж пытался застегнуть рубашку, но то и дело промахивался мимо петель.

– Всевидящий! – выразительно сказала я.

Глаза у горничной стали еще больше.

– Майкл! – воскликнула она.

– Мисс Роунс, – я повернулась к ней. – Вон. Из этого дома.

– Вы… вы не имеете права меня увольнять! – пискнула она, пытаясь завернуться в платье и при этом не оголить грудь. – Меня нанимал ваш муж.

– Лавиния, дорогая…

– Вон, – повторила я, и подчиняясь легкому движению руки, из кадки с цветком во все стороны брызнула земля. Массивный корень, окутанный дымкой, взвился в воздух и хлестнул пол рядом с горничной. С диким визгом, рискуя запутаться в платье, она вылетела за дверь так быстро, что забыла ее закрыть.

Удаляющийся топот, тишина.

– Что вы себе позволяете?! – воскликнул Майкл.

Роста в нем около шести футов, но из-за того, что виконт постоянно сутулился, на глаз ему с трудом можно было дать пять с половиной. Когда-то я была безумно влюблена в красивого молодого человека, в образ, которого никогда не существовало. Сейчас от этой влюбленности осталось только горькое послевкусие разочарования, с которым я временами справлялась.

А временами не очень.

Вот как сейчас.

– Повторяю! – Майкл повысил голос и, грозно сдвинув брови, шагнул ко мне. – Какое право вы имеете врываться в мою спальню без разрешения, миледи?! То, что ваш брат…

Не дослушав, я повела рукой, и корень запечатал дверь, после чего метнулся в сторону мужа. В ту же минуту на подмогу ему пришел второй – с другой стороны. Спеленав запястья виконта растительными браслетами, я подбросила его магией в воздух и позволила приземлиться на кровать. Прочно фиксируя корешками, чтобы не дергался.

Впрочем, Майкл все равно пытался.

– Вы… вы… – пропыхтел он, брыкаясь и извиваясь. – Вы пожалеете, я все еще ваш муж, я… я позову на помощь, и…

– Будьте добры, – язвительно заметила я. – Могу даже открыть дверь, чтобы ваши крики услышали все слуги, и сбежались на вас посмотреть. Хотите?

– Вы чудовище! – выпалил Майкл, но дергаться перестал. Только глазами метал в меня молнии.

Безуспешно.

– Кстати, о том, что вы мой муж. Завтра же я потребую развода, и вы его мне дадите, – заметила я.

Глаза у Майкла стали просто огромными.

– Нет! – выпалил он.

– Да, – подтвердила я.

И для верности потуже затянула корешки.

Муж взвыл.

– Мы же договаривались!

– Мы договаривались, что не станем друг друга позорить, – сказала я. – Но ваше поведение, милорд, уже выходит за всякие рамки, поэтому нашей договоренности пришел конец.

– Это вы во всем виноваты! – выпалил он. – Вы, вы, вы, и только вы! Да мне находиться под одной крышей с вами страшно, после того, как вы чуть не…

Я запечатала ему рот третьим корнем.

– Не смейте, – сказала тихо, хотя меня тряхнуло от сердца до кончиков пальцев. – Не смейте мне напоминать о том, что случилось в оранжерее, или, клянусь матерью, я оторву вам то, что вам от природы не нужно!

– У-у-у-у! – произнес Майкл, покрываясь от гнева красными пятнами.

– Итак, вы дадите мне развод, и не станете препятствовать…

– У-у-у-у…

Я убрала корень.

– И не станете возражать, – подвела итог я.

– А если нет? – поинтересовался супруг, отплевываясь от земли и раздувая ноздри.

Я подперла пальчиками подбородок.

– Хм… А если нет, то все узнают о вашей маленькой проблеме.

– Вы… вы этого не сделаете, – с лица мужа сошли все краски, в том числе и природная, по цвету он сейчас напоминал простыню, на которой лежал.

– Еще как сделаю, – мило ответила я. – Ведь я чудовище, Майкл. Вы сами это сказали.

Не дожидаясь ответа, развернулась и направилась к дверям.

– Вы покроете позором свою семью и своего брата! – завопили мне в спину. – На вас больше никто никогда не женится!

Напугал.

Я замужем до конца своих дней нажилась, так что спасибо, не надо.

– Лавиния! – взвыл Майкл, когда я уже взялась за ручку. – Лавиния, вы ведь не оставите меня так на всю ночь? Лавиния!

Из захвата укрепленных магией корней вырваться невозможно, поэтому я обернулась.

– Разумеется, – сказала негромко. И добавила: – Оставлю.

После чего вышла, плотно прикрыв за собой дверь в наше теперь уже совершенно точно прошлое.

Часть 1. Невеста

1

– Лавиния, я все-таки искренне надеюсь, что вы передумаете.

Жена моего брата, герцогиня де Мортен или попросту Луиза – это просто волчок в юбке. Волчок не в смысле, которым детей пугают, а тот, который детская игрушка. Странное сравнение пришло мне в голову, но в какой-то мере я всегда была странной. По крайней мере, так говорили: как-то я общалась с псами на конюшне, а конюх это увидел. Глаза у него стали размером с два новехоньких антала, а матушка потом долго ругалась. Но она вообще была против любых проявлений моей магии, не говоря уже о таком сильном, как общение с животными.

Нет, их язык я не понимаю, разумеется, это идет на уровне чувств. Тем не менее я с ними все-таки разговариваю, как бы странно это ни звучало.

– Не передумаю, – уверенно заявила я.

С тех пор, как мы с Майклом развелись, я вернулась в Мортенхэйм, замок брата, где я родилась, выросла и жила до тех пор, пока не произнесла брачную клятву. В моей комнате сейчас все по-другому, не так, как в детстве и юности. Обустраивать ее заново мне тоже помогала Луиза, и теперь это царство цветов (буквально, поскольку они даже на картинах и на обивке), света и вообще всего, что я собой по мнению герцогини воплощаю.

То есть жизни.

Кто же виноват, что настроение у меня не совсем цветочное, а под стать сестре, которая тоже давно замужем и живет в другой стране со своим действительно любимым мужем.

– Это же ваш день! – воскликнула Луиза, очевидно, исчерпав оставшиеся аргументы. – И ваш юбилей.

– О, это страшное слово…

– Лавиния, вы меня пугаете.

– Не хочу напугать кого-нибудь еще.

– Лавиния!

– Луиза!

Я оторвалась от созерцания собственного отражения в зеркале: аристократично-бледное лицо, ярко-зеленые глаза, ставшая привычной прическа – слегка поднятые и аккуратными волнами уложенные волосы. Для своего возраста я выглядела слишком молодо, если не сказать больше: дебютантки рядом со мной слегка кисли и старались найти другую компанию, потому что я действительно выделялась среди своих ровесниц.

Причиной тому, кстати, тоже магия жизни: она делает меня похожей на девочку.

Хотя спустя неделю мне исполнится тридцать, и когда я выходила замуж за Майкла (счастливая, влюбленная, юная), мне казалось, что в эти годы я уже буду старушкой.

– Послушайте, это просто невозможно! – тряхнув непокорными рыжими кудрями, Луиза опустилась на диванчик, в обивке которого птицы с роскошным оперением соперничали с цветами за звание «самое яркое пятно нового времени». – У меня ощущение, что я говорю с Терезой.

– Мы сестры, не забывайте, – заметила я.

– С Терезой, какой она была много лет назад, – язвительно заметила Луиза.

– О, – только и сказала я.

– Когда вы собирались на свой первый бал, помните?

Хотела бы я это забыть. Восторженная, полная надежд, именно на своем первом балу я встретила Майкла, и больше уже не могла перестать о нем думать.

– Разумеется.

– Так вот. В то время я тоже тщетно пыталась ее убедить, что ей нужно выйти…

– Разве?

– Ладно, возможно, это было чуточку раньше, – Луиза махнула рукой. – Но между прочим, на том балу Тереза встретила Анри.

Анри – муж сестры, он носит ее на руках в прямом и переносном смысле. Кстати, несмотря на несгибаемый характер Терезы, именно он сумел с ней справиться и превратить нелюдимую и жесткую сестренку, некромага, во влюбленную женщину.

– Тогда я совершенно точно никуда не пойду.

– Р-р-р-р-р! – Луиза взвилась с диванчика. – Лавиния, вы совершенно невыносимы!

– Поэтому я и не хочу себя никуда выносить. А впрочем…

Я задумчиво посмотрела на нее.

– У меня к вам есть деловое предложение.

– Неужели? – Луиза сложила руки на груди.

– Вы поговорите с моим братом и наконец перестанете его наказывать за ошибку, которую он совершил больше года назад.

Воинственность на ее лице уступила место привычной маске. Так случалось всегда, стоило мне заговорить с ней про Винсента, и тянулось это со дня их ссоры. Мой брат – политик, правая рука королевы, за много лет жизни рядом с женой не уловил одну простую истину. Луиза любит его больше жизни и готова отдать за него жизнь, но она не привыкла к его методам и целям, оправдывающим средства.

– Ваш брат сам себя наказал.

– Правда? – я отзеркалила ее позу. – Винсент, конечно, поступил жестко, но он защищал семью. Вас в первую очередь.

– Мне кажется, этот разговор никуда не ведет, Лавиния.

– Мне тоже кажется, что мой бал никуда не ведет, – пожала плечами я. – Но я уступлю, если уступите вы. Итак?

– Вы уверены, что помимо магии Винсент не учил вас политике? – поинтересовалась Луиза.

– Политика – это скучно.

– Очевидно, не для вас, – пробормотала она.

Закусив губу, прошлась по комнате, и ее сиреневое платье с турнюром (самое невыносимое изобретение, да простит меня его создательница), зашуршало. Пока Луиза справлялась с моим предложением, я размышляла о том, что делать дальше. По большому счету, она права: мне стоит устроить бал и выйти в свет. Хотя бы потому, чтобы не давать еще больше поводов для сплетен.

Так уж повелось, что в Энгерии, стране, где правит женщина, все остальные женщины самым непостижимым образом превращаются в приложение к мужу. Да что говорить, нам даже магией запрещали заниматься, из-за чего у большинства из нас со временем выродились способности. Винсент и Тереза учили меня, когда матушка не видела, иначе я бы сейчас тоже не могла отличить плетение закрывающее от раскрывающего, а вместо магии жизни знала бы только, как вышивать и музицировать.

Кстати, как вышивать и музицировать я тоже знаю, об этом позаботилась матушка. Вот и получается, что я вся из себя такая примерная леди… была.

До того, как подала на развод.

Развод, особенно когда требующей стороной выступает женщина в высшем свете Энгерии не просто моветон, а ужас, кошмар, и вообще колодец глубиной в сотню футов. В смысле,

осмелившуюся просить развода женщину надо посадить в такой колодец, чтобы другим неповадно было.

Что делать, если муж изменяет?

Терпеть, разумеется. Терпеть и сносить все безропотно, чтобы не опозорить ни себя, ни его.

Вот так и получается, что годы идут, в ходу уже бытовая магия с артефактами, совместившая в себе науку и технику, а нравы у нас остаются на уровне, прости Всевидящий, времен, когда наши предки из домагической эпохи дубинами загоняли возлюбленных в пещеры. Опять же, чтобы неповадно было, глядишь – зверь какой нападет, а так ты под защитой. Сиди, расти детишек и за варевом следи. Внимательно.

А если что, дубина она тут как тут.

Как бы там ни было, мне остается только показать обществу, что я не собираюсь прятаться всю оставшуюся жизнь, либо провести остаток своих дней в Мортенхэйме, музицируя и вышивая.

Вышивая и музицируя.

Всевидящий, какой ужас.

Словом, пока Луиза мерила шагами мою цветочную обитель, я уже почти все решила, но говорить ей об этом, разумеется, не собиралась. Исключительно потому, что хотела для них с Винсентом всего самого лучшего. Они были одной из тех пар, которые, презрев условности общества, действительно наслаждались друг другом.

Пока мой брат не совершил серьезную ошибку.

Вот только ошибки совершают все, главное – желание их исправить. У Винсента желание было, но Луиза не давала ему такой возможности. Слишком сильно он ее зацепил.

– Ладно, – сдалась она, остановившись напротив меня. – Всего один разговор.

– Всего один, – подтвердила я, с трудом сдерживая улыбку.

– И вы не станете говорить Винсенту об этом заранее.

– А должна?

Луиза раскрыла ладонь.

– Но взамен, Лавиния, вы должны мне бал, где будете главной персоной, – она загнула первый палец. Затем второй: – Устраивать его буду я. И третье: мы с вами полностью обновим ваш гардероб на весну.

Выдав мне этот перечень требований, она вопросительно подняла бровь.

Я же только кивнула.

Думаю, если я смогла столько лет прожить с Майклом, бал, пристальное внимание и обновление гардероба я как-нибудь переживу.

2

Обычно мой день рождения природа отмечала оттепелью, но в этот раз зима задержалась. Видимо, из солидарности с моим настроением: пасмурно-зимним, не желающим меня покидать. Мне такое совершенно не свойственно, но разводы случаются не каждый день, поэтому я его себе простила. Как и многое другое, например, нежелание общаться с природой. Впрочем, природа тут была ни при чем, я не желала общаться ни с кем, поэтому бал в мою честь стал для меня своеобразным испытанием. Как и для тех, кто желал на нем побывать: густой снег заметал окрестности Мортенхэйма, замка и владений Винсента, а я стояла у окна и смотрела на белоснежную пелену, расстелившуюся за окном. Такая же погода была в тот вечер, когда случилось то, о чем я вспоминать не хотела.

– Лавиния, вы готовы… – я обернулась на голос брата, он осекся. – Вы прекрасны.

– Вы всегда умели потрясающе льстить.

– Это не лесть, и вы об этом знаете, – он приблизился, чтобы взять мою руку в свою и коснуться губами пальцев.

За последний год у него стало чуточку больше морщин и чуть больше седины: его личное солнышко больше не грело. Поэтому я позволила себе то, чего не делала уже очень давно – чуть раскрылась, позволяя магии жизни коснуться его сердца.

Винсент укоризненно на меня посмотрел:

– Думали, я этого не почувствую?

– Попытаться я по крайней мере, могла, – я улыбнулась. – Обойти своего брата, сильнее которого мага нет.

– Теперь мне льстите вы.

– Разве что самую чуточку.

Винсент действительно очень сильный маг, сильнее его в мире сейчас есть разве что один человек. Тот, из-за которого случилась их ссора с женой, но это к делу не относится. Брат владеет магией армалов, сильнейших магов в истории нашего мира, живших очень и очень давно. Он управляется с ней, как я – с корешками и котятами, и честно говоря, мне бы не хотелось увидеть, какова она в бою.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы я сопровождал вас на бал? – брат вгляделся в мое лицо.

– Совершенно. Не зря же вы пригласили леди Амалию Уайт.

Амалия Уайт, миловидная девушка, дочь провинциального виконта, знакомая Луизе через ее деда, приехала из Вайд Хилл пару недель, чтобы стать моей компаньонкой. Это тоже была идея Луизы, и я не стала отказываться: во-первых, по переписке девушка мне понравилась, а во-вторых, я получила возможность выдернуть себя из мыслей о Майкле и внутренней стужи, и стала ее проводницей в высший свет Энгерии.

– Леди Амалия… Да, – брат вздохнул, словно собирался сказать что-то еще.

– Знаете, по-моему вам пора к Луизе, – заметила я.

– Знаете, по-моему это невежливо.

– Я же не сказала это в переполненном гостями бальном зале.

– А вы бы могли?

Не уверена. Воспитание, которое досталось мне от матушки, вряд ли позволило бы. С другой стороны, оно вряд ли позволило бы мне развестись, но матушка об этом уже не узнает.

– Лавиния, – серьезно произнес Винсент. – Вы можете на меня рассчитывать. Сейчас, сегодня…

– Всегда, – закончила я. – Вы мне это уже говорили.

– Разве?

– Раз десять, – сказала я и поправила шейный платок брата. – Вы тоже потрясающе выглядите, Винсент. А Луиза вас наверняка ждет.

– Я в этом не особо уверен.

– Можете быть уверены. Просто ей нужно время.

– Время? – Винсент усмехнулся. – Прошел уже год.

– Иногда нужно много времени, – философски заметила я. – И вообще, вы здорово ее обидели тогда.

– Она меня никогда не простит?

– Зависит от того, какие слова вы найдете на этот раз.

– Какие слова, Лавиния? Она меня знать не хочет, а приемы мы проводим вместе исключительно потому, что этого требует этикет.

– Но все-таки вы постарайтесь, – сказала я, пряча улыбку.

Наша с Луизой договоренность не должна была раскрыться раньше времени, и если я сегодня постараюсь (а я постараюсь), плотина недопонимания будет, наконец, разрушена. Главное, все сделать осторожно и очень мягко, потому что Луиза хоть и на «вы» с магией, о моей силе очень хорошо наслышана.

– Что ж, – вздохнул Винсент. – Я передам вашей камеристке, чтобы пригласила леди Амалию. Еще раз с Рождением, сестренка.

– Еще раз спасибо, братец, – я легонько коснулась губами его щеки и дождалась, пока за братом закроется дверь.

Только после приблизилась к зеркалу и коснулась кончиками пальцев сверкающих на груди изумрудов. Подарок брата вобрал в себя всю яркость светильников и яркостью с камнями могла сравниться разве что трава на солнце.

К чести Винсента, он ни разу не упомянул о том, что был против нашего с Майклом брака. Ни в тот день, когда я приехала с новостями о разводе, ни за все время, пока шел процесс (к слову сказать, благодаря связям Винсента закончившийся гораздо быстрее и легче для меня, чем мог бы). Ни разу он не сказал, что неоднократно предупреждал о том, что ничего хорошего из этого брака не выйдет. Поразительно, но против Майкла была вся моя семья, даже Луиза, которая обычно за свободу выбора.

Но я все равно выбрала его.

– Леди Лавиния!

Амалия впорхнула в комнаты, как бабочка: вся в голубом, со светлыми, перехваченными лентой волосами, на плечи накинут дымчатый шарф. Глядя на нее, я невольно почувствовала себя старой, несмотря на то, что нас можно было принять за погодок.

– Мне передали, что вы готовы.

– Да, я готова, – кивнула и улыбнулась. – А ты готова танцевать весь вечер, Амалия?

– Скажете тоже, – смутилась девушка. – Кажется, моя бальная книжка не заполнится и наполовину.

За показной веселостью скрывалось самое что ни на есть настоящее волнение, глубокое и серьезное, поэтому я приблизилась к ней, окутывая теплом магии. Девушка сама не заметила, как расслабилась по-настоящему.

– Заполнится от первого и до последнего танца, – сказала я. – Вот увидишь.

И мы вместе вышли из комнат.

Все балы отличаются друг от друга лишь разновидностями декораций и платьями, красотой и цветами которых все приглашенные стараются перещеголять друг друга. Даже Камилла Уитмор, с которой мне выпала честь (сомнительная, по правде говоря), беседовать еще до начала танцев. Они с мужем, лысым и пузатым графом, который от постоянного курения

больше хрипел, чем говорил, прибыли одними из первых. Именно поэтому мы с Винсентом и Луизой (она – на правах устроительницы праздника, я – на правах именинницы) сейчас общались именно с ними.

– Вы чудесно выглядите, Лавиния, – произнесла Камилла после приветствия.

С тем же успехом можно было сказать: «У вас отвратительный вкус», но я уже привыкла к тому, что взгляды и слова в высшем обществе расходятся на высоту пола и потолка бальной залы. Кстати, о потолке: он был украшен живыми цветами, равно как и вся зала. Поскольку меня не допускали сюда (сюрприз, сюрприз!), то сюрприз удался. Я в своем салатовом атласе с нежнейшим белым кружевом напоминала торчащий из лепестков бутон, которому вот-вот предстоит распуститься.

Вообще-то по статусу мне полагался более темный цвет, но я решила не загонять себя в рамки, а Луиза мое желание поддержала. Правда, забыла сказать, что весь зал будет в лепесточках и зелени.

– Лавиния! – шепнула Луиза, ущипнув меня чуть повыше перчатки.

– Ах, да. Спасибо, Камилла.

Я вернулась в реальность и безоблачно улыбнулась.

– Ну-с… чудесного вечера, – пробормотал граф, – у нас для вас приготовлен особый подарок, так что готовьтесь.

Он подмигнул мне и после очередных расшаркиваний потащил недовольную таким поворотом дел жену к столу с пуншами и крюшонами. По традиции подарки именинникам вручали в конце вечера, после бала и праздничного ужина, но зная чету Уитморов, я даже приблизительно не представляла, к чему готовиться.

– Мне кажется, или вам что-то не нравится? – шепнула Луиза, пока к нам шли очередные приглашенные.

Я же обратила внимание на то, как напряженно лежит ее рука на сгибе локтя Винсента.

– Нет, что вы, – я улыбнулась, позволяя магии незаметно просочиться через легкое прикосновение.

Луиза сама не заметила, как расслабилась, и даже не отняла руки, когда Винсент накрыл ее ладонь своей. Брат грозно на меня посмотрел, я же невинно улыбнулась и повернулась к гостям, которые подошли поздороваться.

И так примерно около часа.

За этой время моя улыбка уже достигла такого совершенства, что появлялась сама собой, стоило мне произнести:

– Добрый вечер! Я безумно рада видеть вас в Мортенхэйме.

Когда, наконец, все гости собрались, до первого танца оставался еще небольшой запас времени. Поэтому я нашла Амалию, которая стояла у распахнутого настежь окна в дальнем конце зала.

– Не холодно? – поинтересовалась я, приблизившись.

– Что? – девушка вынырнула из собственных мыслей. – Ох, нет, разумеется нет. Это разве холода, леди Лавиния? В Вайд Хилл такое ближе к концу весны.

– У вас настолько холодно?

Я знала, что Вайд Хилл расположен на севере, но представлять, что где-то почти не бывает весны, казалось мне странным.

– Настолько холодно – это еще мягко сказано, – Амалия рассмеялась. – Кстати, насчет бальной книжки вы оказались правы! Смотрите!

И она показала мне записи, где почти все танцы были расписаны.

– Леди Лавиния.

У говорящего был низкий голос, такой текучий и мелодичный, как если бы кто-то смешал звучание фортепиано и флейты и добавил туда мужской силы.

– Даже не сомневалась, – сказала я Амалии, к которой уже приблизился первый пригласивший.

Равно как не сомневалась в том, что Винсент обязательно кого-нибудь пришлет, чтобы меня пригласили.

– Милорд?

Обернулась я как раз в то время, когда объявили вальс.

– Позвольте ваш первый танец.

А вот о том, что он окажется настолько красивым, я не догадывалась. С некоторых пор мужская красота меня не трогала, но один-единственный взгляд в глаза, странным образом показавшиеся мне сначала похожими на ночное небо, а потом сменившими цвет на свинцово-серый, заставили меня замереть. Сама не зная почему, я вложила руку в ладонь темноволосого мужчины, которого видела впервые в жизни.

Вздрогнула, когда его затянутые в перчатку пальцы легли мне на талию.

А в следующий миг мы уже шагнули в вальс.

По этикету именинница (и хозяйка бала) могла танцевать без предварительной записи, и это неудивительно, поскольку нам нужно было принимать гостей. Тем не менее это не означало, что я могу танцевать с мужчиной, которому не представлена. А если быть точной, с незнакомцем, имя которого мне не известно, но прежде чем я успела открыть рот, он чуть сильнее сжал мою руку и прошептал:

– Вы прекрасны, моя королева.

Это еще что за вольности?

– Простите?..

– Зовите меня Льер.

Ведет он уверенно, столь же уверенно, как Винсент (а я знаю, и мне есть с чем сравнивать). Сейчас, когда вальс уже подхватил все пары, зал почему-то плывет перед глазами, а я, или правильнее будет сказать, моя магия, отзывается на это кружение самым невероятным образом. Она словно поднимается во мне от самых кончиков пальцев, стремясь собраться в груди, чтобы хлынуть через меня в мир.

Ладонь под перчаткой разогревается, а талия, которой касается рука мужчины, начинает гореть.

– Мне кажется, или вы пытаетесь меня очаровать? – интересуюсь я.

Это единственные достойные слова, которые сейчас складываются в более-менее связный вопрос.

– Вам не кажется, – он улыбается, и цветы, обвивающие арку, перетекают следом за нами по потолку.

Все, что мне сейчас приходит в голову: кажется, я переволновалась.

Да, можно десять раз уверять себя, что ты спокойна, но когда в сердце разлад, ничего хорошего из этого не выходит. Я не спала всю ночь, а днем прилегла на пару часов, я хотела отменить этот праздник несколько раз, даже сегодня, после обеда, но об этом никто не узнает. Потому что Луизе и Винсенту хватает своих проблем, и моя совершенно точно будет лишней. Потому что если я позволю себе думать о Майкле и о разводе, я просто сорвусь.

А мне нельзя срываться, потому что я леди.

И потому что я слишком хорошо воспитана.

Да, и сейчас хорошо воспитанная леди танцует с незнакомцем.

– Мы не имели честь быть представленными.

– Я назвал вам свое имя. Там, откуда я родом, этого более чем достаточно.

Голова кружится все сильнее, а я стараюсь не смотреть на потолок.

Потому что боюсь, что цветы, под которыми мы начали танец, снова окажутся у меня над головой, и потому что мне совсем не хочется это проверять. Пусть это останется просто частичкой усталости, о которой я больше никогда не вспомню.

– Откуда вы родом? – интересуюсь я.

И в этот момент танец заканчивается.

Он заканчивается так резко, как если бы время стянулось в одну крохотную точку, вмиг – но такого же не может быть?

– До скорой встречи, моя королева, – мужчина целует мои пальцы, и от одного его взгляда по телу прокатывается жаркая волна.

– Кто вы?! – почему-то шепчу я, но он просто отпускает мою руку и растворяется в толпе.

Зал перед глазами слегка плывет, я вглядываюсь в пестрые цвета, обтекающие меня широкой рекой, но понимаю, что его уже нет. Ни слева, ни справа, ни впереди. Я никогда не жаловалась на зрение, но сейчас не могу разглядеть его в толпе. Перед глазами до сих пор его лицо – алебастровая кожа, подчеркнутые темной каймой нижние веки и шелк длинных волос, стекающих по фраку на спину.

Мне хочется найти брата и задать ему вопросы: кто этот мужчина, и почему нельзя было представить нас заранее. Закусив губу, оглядываюсь, но Винсент приближается первым. Гневно сверкая глазами, интересуется:

– Позвольте узнать, леди Лавиния, с кем вы только что танцевали?!

3

– Нет, Винсент, это совершенно не похоже на то, что я чувствовала тогда.

Я повторяла эту фразу, должно быть, в сотый раз, но своего упрямого брата, кажется, так и не убедила. И не только его: взволнованное лицо Луизы то и дело выныривало из-за широченной герцогской спины, хотя эта женщина (я знаю наверняка!) всегда была столпом спокойствия в нашей семье. Если что-то случалось, она умудрялась свести грозу на нет еще до первых молний, а к моменту, когда должен был пролиться дождь, на небе уже не оставалось ни тучки.

Только не сегодня.

– Значит, еще раз…

– Винсент, пожалуйста, хватит! – взмолилась я. – Я же вам уже сто раз все рассказывала. И целитель обследовал меня от макушки до пяток, но не нашел ни единого следа магического вмешательства и чужой ауры.

Готовый уже возражать, брат осекся, и я, воспользовавшись паузой, быстренько продолжила:

– Вы же сами понимаете, что если бы это было нечто подобное, вряд ли бы мы с вами сейчас разговаривали.

– Тогда кто этот мужчина?!

Не имею ни малейшего понятия. И если честно, не имею ни малейшего понятия, почему рядом с ним я себя так странно вела. Стоило ему исчезнуть, как головокружение прекратилось, мысли снова стали связными, а цветы перестали ползать по потолку. И на том спасибо.

– Это уже точно не мне выяснять.

Праздник, который в срочном порядке не свернули только усилиями Луизы, продолжался до сих пор. Я же просто «удалилась к себе, потому что устала», и в сложившихся обстоятельствах никто такому повороту событий не удивился. Прежде чем брат устроил расследование, мы с ним еще успели прогуляться по залу за милой беседой, и я услышала парочку комплиментов: «Так и будет всю жизнь молодиться» и «Виконт Эрден полностью уничтожен, а ей хоть бы что».

Ну да, мне хоть бы что, разумеется.

– Так, – Винсент сцепил пальцы, но тут же их расцепил. Коснулся стоявшей на прикроватной тумбочке воды, а затем моих висков, вычерчивая легкие узоры.

Мне даже не нужно было спрашивать, что он делает: магическая проверка армалов на предмет вмешательства в разум. Честно говоря, я его понимала – когда я была совсем юной, один мерзопакостный маг воспользовался почти утраченными знаниями мааджари (тоже древней расы, но куда более гадкой, нежели чем армалы), после чего использовал внушение, чтобы заставить меня вынести кровь Винсента из семейного хранилища и подставить брата с помощью темного проклятия.

Вот только после того вмешательства я отходила очень и очень долго, головные боли меня мучили несколько лет, а прекратились, подозреваю, исключительно благодаря силе моей магии. Внушение графа Аддингтона оказалось очень глубоким (ему нужно было не только заставить меня вынести кровь), но и забыть обо всем. Поэтому тем, что я не сошла с ума, как один пострадавший от его заклинаний бедняга, я тоже обязана своей магии.

– Хм…

– Убедились? – спросила я, сложив руки на груди. – Не тошнит, голова не болит, мушки перед глазами не порхают. Бабочки, кстати, тоже.

– Бабочки?

– Это была попытка пошутить.

Винсент нахмурился, но тут мне на помощь пришла Луиза.

– Послушайте, ваша светлость, – с некоторых пор она обращалась к нему именно так, подчеркнуто вежливо, – возможно, Лавиния права, и ничего страшного не…

– Произошло! – весело заметила я.

Потому что мой брат открыл рот, а еще он сделал это с таким выражением лица, что я поняла: следующее же его слово похоронит мою надежду на их примирение навеки. И даже Тереза не сможет ее поднять.

– Словом, Винсент, вам остается только найти этого мужчину и расспросить, – подытожила я.

– Если бы это было так легко, – буркнул брат.

Действительно, если бы. Я полагала, что мужчина, особенно такой яркой внешности, просто не может остаться незамеченным, но если его и вспоминали, то вскользь. Он вышел из бальной залы, и все, растворился в пространстве, а такое в принципе невозможно. Мортенхэйм окутывает сеть заклинаний, не позволяющих открывать порталы даже тем, кто это умеет.

Хотя в мире не так много магов, которые это умеют. Мой сильнейший брат, например, не умеет. Все потому, что чтобы открыть портал, необходимо использовать магию искажений и заклинания мааджари, а их в открытом доступе не найти.

– Начиная с этого дня вы не будете выходить из комнаты без охраны.

Приплыли!

– То есть мне всюду ходить с помощниками лорда Фрая?

Лорд Альберт Фрай – та еще мерзость, хотя ему по рангу положено быть изворотливым гадом. Когда ты стоишь во главе разведки, особо на принципах не зациклишься. Тем не менее я больше чем уверена, что это он убедил брата сделать то, что рассорило его с Луизой.

– Да.

– И в туалетную?

– Леди Лавиния! – взревел брат.

– Винсент! – взревела я. – Я только что вырвалась из супружеского дома, и не собираюсь снова садиться в тюрьму. Не могу же я постоянно ходить с охраной только потому, что…

– Вам напомнить, к чему привело ваше «не могу»?

От жесткого укора в горле подозрительно засаднило.

– Винсент! – резко произнесла Луиза.

– Все нормально, – пожала плечами я.

В другой раз порадовалась бы, что он ее устами наконец-то «Винсент», но сейчас радоваться не получалось. На меня снова надвинулись воспоминания о произошедшем, и я кивнула.

– Хорошо. Пусть будет охрана.

– Замечательно. Я перекрою ваши комнаты сигнальными заклинаниями, и вы постоянно будете носить это. – Винсент стянул с пальца кольцо-печатку с гербом нашей семьи. – Если вдруг вас попытаются похитить…

– Винсент, – повторила Луиза уже мягче, – не думаю, что Лавинии сейчас именно это хочется услышать.

– Честно говоря, мне хочется спать, – сказала я, принимая перстень, все еще хранящий тепло брата. – За дверями моей комнаты столько охраны, что я искренне не завидую тому, кто попытается меня похитить.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы я осталась? – Луиза вгляделась в мое лицо.

– Уверена, – ответила я. – Мне правда очень хочется спать, а смотреть на сопящую меня – удовольствие ниже среднего.

Луиза улыбнулась:

– Откуда вы знаете? Вы же спите.

Она легко обняла меня и коснулась губами щеки.

– Увидимся завтра утром.

– До завтра, – согласилась я, коротко обнимая ее в ответ.

Мы дождались, пока Винсент оплетет комнату сигнальными заклинаниями, которые сразу же позволят ему узнать, если внутри окажется посторонний. Под моими окнами выставили охрану, за моими дверями тоже, поэтому стоило брату с женой выйти, я приглушила свет лампы и завернулась в покрывало.

Как бы мне хотелось просто заснуть, но просто не засыпалось. Мой брат всегда отличался подозрительностью, но после того как призрак, а точнее, преобразованной из потусторонней материи в очень опасное существо граф Аддингтон (тот самый, что управлял мной с помощью внушения), вселился в меня, чтобы заполучить тело одного из сильнейших магов современности, я даже не могла винить Винсента за все примененные ко мне меры. В тот вечер мы поругались с Майклом, и я захотела остаться одна. Просто бродила по Мортенхэйму, когда почувствовала холод.

А в себя пришла уже в постели, без сил.

Мне даже правду рассказали не сразу, целитель требовал не беспокоить, пока не поправлюсь. Воспользовавшись мной и моей магией, Аддингтон почти убил девушку, которая вообще была ни в чем не виновата, напал на случайно оказавшегося рядом Майкла, и…

Когда я пришла в себя, Майкла не было рядом.

Его вообще не оказалось в Мортенхэйме: Луиза не прятала глаз, когда сообщила, что «виконт Эрден уехал по срочному делу», но в ее звонком голосе дребезжал гнев.

Наверное, точкой в нашем браке стала именно эта минута. Не та, когда Майкл, запинаясь, сообщил мне о своей мужской немощи. Не та, когда спустя несколько лет я поняла, зачем он на мне женился: надеялся, что моя сила воскресит его мужское… гм, достоинство. И даже не та, когда он начал исподтишка оказывать другим женщинам внимание.

Я повернулась на другой бок и уставилась в окно: снег все еще шел. Хлопья были настолько крупные, что даже издалека их было видно. Хотя возможно, все дело было в моем зрении, я всегда видела очень хорошо. Могла читать и писать даже когда темно (чем успешно пользовалась, чтобы обмануть матушку), и на мои глаза это совсем никак не влияло.

Матушка.

Наверное, она бы нашла нужные слова, чтобы заставить меня забыть о случившемся, но ее больше не было. Не было ее наставлений и нравоучений (Леди Лавиния, держите спину прямо! Или: Леди Лавиния, немедленно сбавьте тон, вы говорите не как подобает леди), и таких теплых, ласковых рук.

Несмотря на всю нелюбовь к магии, которой она запрещала мне заниматься, меня она любила. Пожалуй, так отчаянно, как никого из нас – Винсент с детства был от нее далек, Терезу отец тоже воспитывал сам из-за ее опасной магии. Он не подпускал мать к сестре до тех пор, пока был жив, наверное, именно поэтому она отдавала всю любовь и тепло мне.

Поэтому…

Мне повезло с материнской любовью, а Терезе – с любовью Анри.

Все справедливо.

Я снова повернулась на другой бок, стараясь отогнать непрошенную тоску, в том числе и обиду на сестру за то, что не смогла приехать на мое рожденье.

– Раскиснете, леди Лавиния, и станете как студень, – прошептала ядовито. – На радость всем тем, кто сегодня шептался про «молодиться».

Последнее возымело силу: я на себя разозлилась. В конце концов, у Терезы, жены графа и второго лица после его величества Вэлеи (одной из ведущих мировых стран), могут быть дела поважнее, чем балы. Сестра с мужем прислали подарок, который я так и не раскрыла, и…

Все, хватит об этом!

Сердито замотавшись в покрывало, я снова повернулась на другой бок.

Чтобы увидеть, как пространство идет легкой рябью, словно по комнате пустили волну, из которой на берег… то есть в комнату шагнул тот самый мужчина.

4

Я схватила графин и швырнула в оказавшегося в моей спальне невесть каким образом типа. Мужчина увернулся, текучим, плавным движением, а графин ударился об пол и разлетелся осколками. С таким грохотом, что даже если бы сигнальные заклинания, которыми Винсент нашпиговал комнату, не сработали, на него сбежалась бы половина Мортенхэйма.

Ведь сбежалась бы, правда?

Мужчина шагнул ко мне, и я отпрянула, но вопреки моим представлениям дверь не распахнулась, и в нее не влетели охранники из ведомства лорда Фрая. Осознание этого обрушилось на меня в ту же минуту, что и мысли об отсутствии цветов в моей спальне. Я даже не могла защититься! Сама.

– Леди Лавиния…

Шмяк!

В мужчину полетела подушка, и я вскочила, подхватив тяжеленную бронзовую лампу с абажуром. Кто сказал, что леди не умеют защищаться?! Умеют!

В подчеркнутых каймой глазах сверкнуло раздражение, но я уже замахнулась и открыла рот, готовясь кричать, когда лампа выскользнула из моих рук. Мягко, утратив форму, стекла по ладоням и подолу сорочки, чтобы впитаться в ковер. Широко распахнутыми глазами я смотрела на то место, где только что была лужа, то есть лампа, то есть лампа, которая только что была лужей, и это мне дорого обошлось.

Как несколько разделяющих нас футов стянулись в одну точку, я не поняла, но успела почувствовать легкое движение, словно кто-то приоткрыл окно в лето, впуская из него легкий, освежающий ветерок. В следующий миг ладонь мужчины уже легла мне на талию, а губы накрыли мои, и мир утратил реальность. Казалось, что в нем не осталось никого и ничего кроме нас, кроме полыхающего глубокого поцелуя, от которого по телу волной прокатился жар.

Это было неправильно, и я рванулась, но тщетно. Ладонь лишь сильнее вдавила меня в каменную грудь под мундиром (странным, иссиня-черного цвета, с нашивками, которых мне до этой минуты не доводилось видеть), и в меня ударила волна дикого, сумасшедшего, иссушающе-огненного желания. Не осталось никого и ничего кроме губ, раскрывающих мои, кроме руки, вжимающей в мужское тело, кроме нас двоих.

Застонав, я подалась вперед, чтобы удержать это прикосновение, и мужчина рывком отстранился, судя по интонациям, выругавшись.

Хотя я не поняла ни слова.

– Нам пора, моя королева, – произнес он, легко коснувшись пальцами моей щеки. От этого прикосновения тело пронзило томительно-сладкой судорогой, а мужчина уже подхватил покрывало, заворачивая меня в него.

Что он вообще делает?

– Куда? – я смотрела на его губы, не отрываясь, отчаянно сопротивляясь дикому чувству: податься вперед, сокращая расстояние между нами.

Влиться поцелуем в этот красивый рот, и…

– Это неважно. Вы должны пойти со мной. Вы согласны? – Черты лица мужчины заострились, или мне это просто показалось.

Согласна ли я? Я согласна.

– Да, – хрипло прошептала я, вложив руку в его.

– Леди Лавиния, я услышала шум, и…

Изумленное лицо застывшей напротив нас Амалии заставило меня вздрогнуть.

– Что вы делаете? – хрипло спросила я, глядя в меняющие цвет глаза. – Кто вы?

Сознание то уплывало, то выталкивало меня на поверхность, заставляя чувствовать себя то легонькой словно перышко, то наливая ноги свинцом. Мужчина плотно сжал губы, а потом вскинул руку, протягивая ее готовящейся закричать девушке. Амалия расслабилась и улыбнулась, шагнув к нам.

– Ты пойдешь с нами, девочка?

– Да, – прошептала она, и мир подернулся дымкой.

Как во сне я смотрела на расступающиеся границы: моя спальня расплывалась перед глазами, словно ее стирала невидимая рука, вздумавшая играть миром, как художник красками. Очертания кровати балдахина, окон и падающего снега становились все прозрачнее, и на краю сознания мелькнула мысль, что здесь уже должна быть целая армия во главе с моим братом, но ее нет.

Почему ее нет?

Головокружение усилилось, добавился странный шум в ушах.

Пол под ногами утратил твердость, а потом снова ее обрел, и в этот момент на меня обрушились запахи, звуки, цвета. Столько самых разных цветов, как если бы меня закружили на балу в вихре бесчисленных платьев, и то – это было очень слабое сравнение. В груди взорвалось крохотное солнце, сила затрепетала на кончиках пальцев, и все вокруг отзывалось на меня и на нее, на магию жизни. Ощущение затопившей меня безграничной радости, счастья и света было настолько сильным, что я на миг потерялась в этом магическом калейдоскопе, а потом…

Потом пришел холод.

Он вливался в меня отовсюду, обрушился подобно сбивающей с ног волне, чтобы выбить из тела частички светлой магии, принося с собой выжигающую тело боль.

Я закричала, падая вниз, но упасть мне не позволили: мужчина меня подхватил, широким шагом пересекая комнату, которая расплывалась как размытый дождем пейзаж.

– Сейчас станет легче, – пообещал он, укладывая на постель и касаясь моего лба ладонью.

Легче действительно стало: из меня словно вытянули весь холод и боль, но вместе с ними ушли и все силы. Лицо склонявшегося надо мной мужчины – волевое, резкое – отдалялось, и я закрыла глаза.

После случившегося мне неоднократно снились кошмары. Ночи, когда я просыпалась в холодном поту от снов, в которых Аддингтон моими руками творил все новые и новые преступления, стали для меня чем-то привычным, поэтому новому сну я совсем не удивилась. Особенно после разговора с Винсентом: он раздул из одного странного танца такое, что я совершенно не представляла, как мне могло присниться что-то еще. Возможно, этот мужчина просто приехал с кем-то из гостей (кузен, дальний родственник, решивший навестить без предупреждения, которого невежливо было оставить одного), и, как бы это ни звучало, сбежал с нашего скучного бала куда подальше.

Нет, ну а что?

Тереза сбегала, и не раз.

А мы раздули из этого целую детективную историю. Точнее, Винсент раздул.

Улыбнувшись собственным мыслям и представляя лицо брата, когда я скажу ему об этом за завтраком, открыла глаза, и тут же их закрыла.

Открыла.

Закрыла снова.

Это совершенно точно не была моя комната, и уж тем более она не была ничем из того, что когда-то мне казалось известным. Потолок, возвышавшийся надо мной, должно быть, футов на пятнадцать, не меньше, был увит цветами. Точнее, оплетен ими, как одна из западных стен Мортенхэйма вьюном. Если бы вьюн мог произвольно собираться в узоры и цветовые композиции, которые постоянно менялись.

Еще более странным было то, что от цветов не было запаха, а постель, на которой я спала, была усеяна лепестками.

– Всевидящий, – сказала я, резко усаживаясь.

С резко я, честно говоря, погорячилась, потому что перина подо мной была невыносимо мягкой, и я в нее просто провалилась, кувыркнувшись обратно. В следующий раз я вставала уже осторожнее: подползла к краю, спустила ноги и наступила… в траву. Густая трава ковром раскинувшаяся на полу напоминала гордость нашего садовника в парке при Мортенхэйме.

Подавив желание с визгом забраться обратно, я все-таки поднялась.

К счастью, стены были всего лишь стенами, а окна – всего лишь окнами: огромные, арочные, напрочь лишенные стекол, они выходили на…

– Всевидящий! – повторила я, отшатнувшись.

Мне в жизни не доводилось смотреть вниз с такой высоты, с высоты тянущегося к небу замка, который больше напоминал каменную башню. Бушующее поодаль море казалось расстеленным покрывалом, которое кто-то грубо надорвал в нескольких местах, оставив бахрому волн. Молнии, пронизывающие небо и землю, били с такой силой, словно хотели пронзить ее насквозь.

Нет.

Нет, нет, нет. Это не может быть правдой, этого просто не может быть, это же…

– Аэльвэйн Лавиния.

Тихий женский голос ударил, как раскат грома. Только сейчас я поняла, что странного в этой дикой пугающей грозе: никаких раскатов грома не было. Небо беззвучно исторгало молнии, и земля поглощала их столь же беззвучно.

Вздрогнув, я обернулась, оказавшись лицом к лицу с женщиной. Длинные светлые волосы перехвачены лентами, наряд чем-то напоминал наряды женщин Загорья (соседствующего с нашей страной на севере государства): прямое нижнее платье с расклешенными рукавами, остроносые туфельки без каблуков. Глаза вошедшей были подчеркнуты краской, что в Энгерии позволяли себе только женщины, желающие привлечь внимание мужчин с определенной целью.

– Меня зовут Эйзер. Я помогу вам освоиться.

– Освоиться где? – на «освоиться» мой голос предательски сел, на «где» вознесся до октав, которые я еще никогда не брала.

– В Аурихэйме.

Я сошла с ума? Или все-таки сплю?

Аурихэйм – легендарный мир элленари. Не менее легендарных созданий, о которых я в детстве слышала очень много историй, но это же… всего лишь сказки!

Пока я пыталась сопоставить услышанное, увиденное и прочувствованное, Эйзер неслышно шагнула в комнату. Взмахнула рукой, и подчиняясь легкому порыву магии, следом за ней влетело платье, похожее на то, что было на ней.

– Вам нужно одеться…

– Нет. Мне нужно домой! – теперь уже я, никогда в жизни ни на кого не повысившая голоса, почти кричала.

– Вы не можете попасть домой без разрешения вашего мужа. Прошу прощения, вашего будущего мужа, – на последнем слове Эйзер поклонилась так низко, что чудом не подмела волосами траву.

Если существует еще большее потрясение, я его только что испытала.

– Кого? – уточнила, глядя прямо в глаза выпрямившейся женщины.

Определить, сколько ей лет, не представлялось возможным. Она могла быть моей ровесницей, могла быть моложе, могла быть старше, и все это (одновременно) отражалось на ее лице. Возраст – в глазах, юность – на лице.

– Вашего будущего мужа. Простите, но мне надо помочь вам одеться.

Она словно не замечала того, что со мной творится, или не хотела замечать.

– Вы сошли с ума? – тихо спросила я. – Я не собираюсь замуж.

И никогда больше не соберусь!

– Это не так, – она снова взмахнула рукой, и по ближайшему окну прошла легкая рябь.

Рассеявшись, она принесла за собой свежий ветерок, надо отдать должное, очень вовремя: я как никогда была близка к тому, чтобы позорно упасть в обморок.

– Вам оказана большая честь, аэльвэйн Лавиния. Вы станете супругой нашего Повелителя.

О да. Несомненно. Десять раз.

– Я. Не. Собираюсь. Никем становиться, – резко заметила я. – И если вы сейчас же…

– Если вы сейчас же не перестанете пререкаться, предстанете перед ним в таком виде. Повелитель не любит ждать.

Я открыла было рот, чтобы сообщить, что я не люблю, когда меня посреди ночи вытаскивают из постели и затягивают непонятно куда, но тут же его закрыла. Хотя бы потому, что (несмотря на довольно снисходительный вид), Эйзер явно здесь ничего не решает. Судя по тому, что в мужья мне заявлен загадочный повелитель, разговаривать надо с ним.

Справедливо рассудив, что на равных с повелителями лучше общаться одетой, чем в тонкой сорочке, глубоко вздохнула и устроилась на стуле. К моему безумному (и это даже не фигура речи) счастью, самом обыкновенном стуле перед самым обыкновенным зеркалом, ничем не отличающимся от тех, к которым я привыкла.

Разум подсказывал, что Эйзер не лжет. Не лжет, потому что в Мортенхэйме, да и во всем нашем мире, не бывает грозы без грома. В нем нет сооружений такой высоты, а закрывают окна самыми обыкновенными стеклами, без заклинаний.

Приблизившаяся ко мне женщина легко коснулась моих волос, и они мгновенно приобрели такой вид, словно я или Элизабет расчесывали их по меньшей мере час.

– Как вы…

– Магия Аурихэйма не подвластна смертным, – это прозвучало свысока.

– Тем не менее я невеста вашего повелителя, – хмыкнула я, осадив девицу на полном ходу. – Отвечайте.

Ноздри ее шевельнулись, тем не менее Эйзер произнесла:

– Это заклинание, основанное на плетениях стихийной магии. Если Повелитель прикажет, я разберу его для вас.

Она снова шевельнула пальцами, и на моих глазах волосы потянулись в укладку, завиваясь локонами и обрамляя лицо, сплетаясь с помощью падающих с потолка цветов прочнее, чем с помощью шпилек. Я наблюдала за диковинной магией, подчиняющей собой мои непокорные пряди.

Мне нужно понимать, во что я ввязалась, как можно лучше. Что-то мне подсказывает, что разговор с их повелителем простым не будет. Учитывая, что «магия Аурихэйма не подвластна смертным» даже Эйзер сказала, глядя на меня сверху вниз.

– Ты можешь сделать любую прическу? – спросила я, и она замерла.

Впрочем, тут же продолжила свое занятие.

– Я делаю то, что могу сделать быстро. Мои работы ничто по сравнению с работами Магистра красоты.

Магистр красоты. Ну да, разумеется.

– Зачем я нужна вашему повелителю? У вас что, желающих за него выйти нет?

Эйзер зашевелила пальцами с такой скоростью, что я с трудом улавливала их движение.

– Это не мое дело.

И не мое тоже. Тем не менее я здесь!

– Отвечайте! – приказала резко.

– Не имею права.

– Отвечайте, или…

– Я не могу говорить с вами на эту тему, аэльвэйн Лавиния. Попытка обмолвиться об этом хотя бы словом меня убьет.

Что?! Убьет?! Это шутка такая?

Пока я приходила в себя, женщина закончила с прической, и заставила платье скользнуть к нам. Глядя, как ко мне по воздуху плывет наряд, я снова почувствовала себя донельзя странно. Нет, наверное еще пару сотен лет назад в нашем мире такое было в порядке вещей: бытовой магией пользовались все, но с тех пор, как она начала ослабевать, все делали по старинке. То есть если что-то требовалось надеть, камеристки или компаньонки брали это руками, и…

Компаньонки!

Я вдруг отчетливо вспомнила, что помимо утащившего меня странного типа в моем сне, который вовсе не сон, была еще Амалия.

– Где Амалия? Девушка, что была со мной?

– Об этом вы можете спросить Повелителя.

Да чтоб он был десять раз неладен и еще раз десять наступил в ночную вазу!

Эйзер снова зашептала что-то, и сорочка на мне… растворилась, растаяла дымкой, заставив мои глаза округлиться. Впрочем, ее место тут же заняло платье, которое село как влитое, по фигуре, оттеняя мою кожу и волосы солнечно-теплым цветом. Не будь я в таком состоянии, наверняка застыла бы у зеркала, но сейчас мне было не до самолюбования.

– Зовите своего повелителя, – заявила я, сложив руки на груди.

– Он придет, когда сочтет нужным.

Впрочем, Эйзер даже договорить не успела, двери распахнулись, явив моему взору мужчину. С таким высокомерным выражением лица, что с ним все сразу становилось понятно.

Повелитель.

5

Эйзер низко поклонилась, а потом бесшумной тенью скользнула к дверям, оставив нас наедине. Меня изучали с тем же интересом, с которым могли изучать лошадь: прошлись взглядом по лицу, по груди и ниже – видимо, оценивая рост. Хорошо хоть зубы не попросили показать, и на том спасибо.

Будь мне лет семнадцать, я бы смутилась, но сейчас сложила руки на груди и решила тоже оценить. Посмотреть там, честно говоря, было на что: широкоплечий, больше шести футов ростом. Мой брат, который тоже был достаточно высоким, уступал ему по меньшей мере на голову. Что касается остального – лицо волевое, тронутое резкой росписью узора над бровями. Взгляд жесткий и темный, но самым ярким в его внешности были волосы. Огненно-красные, как закатное солнце или как раскаленный металл. Пожалуй, последнее подходило ему гораздо больше.

Раскаленный металл.

От него веяло силой и властью.

А еще самодурством: кому еще придет в голову притащить женщину непонятно куда вопреки ее воле. Прежде чем я успела задать этот вопрос, он уже шагнул ко мне и протянул увитую тонким вьюном коробочку.

– Это ваше. Наденьте.

Потрясающее приветствие!

– А как же: добро пожаловать в Аурихэйм, леди Лавиния? Безумно рад вас здесь видеть в качестве дорогой гостьи, поэтому искренне и от души вручаю вам этот дар?

Повелитель слегка застыл: не то от того, что я ему сообщила, не то от того, что до коробочки так и не дотронулась. Впрочем, судя по тому что сказала Эйзер (уж что-что, а выводы из ее слов я сделала быстро), для него было непривычным уговаривать женщину что-то взять.

– Вас что-то смущает, аэльвэйн Лавиния?

– Леди, – поправила я.

Повелителя слегка перекосило.

– Леди Лавиния. Вас не устраивают ваши покои?

– Да! – воскликнула я. – Потому что меня вполне устраивали мои – до той минуты, как меня из них утащили. Признаюсь честно, не представляю, что вам от меня нужно…

– Эйзер вам ничего не сказала?

Судя по его тону, по резко сошедшимся на переносице бровям и холоду, пробравшему меня до самых костей, я поняла, что нужно спасать Эйзер.

– Вы не так меня поняли. Я в полном недоумении по поводу того, что она мне сказала, – я сделала ударение на слове «что», после чего внимательно посмотрела ему в глаза. Вот зря я это сделала, потому что от прямого взгляда меня повело, и в комнатах словно стало нечем дышать. Воздух сначала раскалился, потом обрушился на меня прохладой, из-за чего я на миг утратила способность мыслить связно. Перед глазами все поплыло, и если бы меня не подхватили под локоть и не усадили на стул, оказалась бы у ног Повелителя. Буквально.

– Возьмите, – повторил он, вложив мне в ладони коробочку.

Наощупь она была бархатной, а вьюн под моими руками ожил и зашевелился.

– Зачем? Что это?

– Это поможет вам привыкнуть к нашему миру.

К нашему?!

– Мне нет никакой необходимости к нему привыкать, – смотреть на него снизу вверх мне совершенно не понравилось, поэтому я поднялась. – Потому что я не собираюсь здесь оставаться и уж тем более не собираюсь становиться вашей женой! Как вы себе это представляете?!

– Очень просто. Нас обвенчает природа.

Он сейчас издевается?

– Я. Не. Выйду за вас, – повторила, глядя ему в глаза.

– Выйдете, леди Лавиния. Потому что вы моя мьерхаартан.

Всевидящий, как он это выговорил-то?

– А мьер… простите, я не сильна в вашем языке – это кто?

– Вторая суть.

Я моргнула.

Все случившееся просто не укладывалось у меня в голове, и если бы я в своей жизни не пережила вмешательство в разум и подселение злобного призрака в мое тело, решила бы, что просто схожу с ума. Или уже сошла: все-таки развод дался мне тяжелее, чем я себе представляла, вот и мерещатся всякие мьертартаны и повелители.

– Я не могу быть вашей второй сутью! – попыталась еще раз воззвать к голосу разума.

Все-таки судя по тому, как он вел диалог, разум там есть, и немаленький. Да и сомневаюсь я, что в Повелители Аурихэйма выбрали бы того, кто с ним не дружит.

– Дайте руку, леди Лавиния.

– Что? Зачем?

– Дайте руку, – властные нотки в его голосе заставили подчиниться: не столько потому, что я этого хотела (чтобы он лично взял меня за руку и убедился в том, что я не мьер… чего-то там), сколько потому, что во мне что-то заставило ее вскинуть и вложить в сильную широкую ладонь.

От прикосновения в пальцы ударили искры, а в следующий миг вокруг наших запястий вспыхнула изумрудная нить. Оплетая наши руки браслетом, легла нам на кожу и поползла по предплечью и выше, раскрываясь листьями как растущий стебелек. Я смотрела на то, как под светлым нарядом на руке проявляется узор, отзываясь легким покалыванием и теплом. Вьюн дотянулся до моего плеча, скользнул листьями на шею и замер, мгновенно проникая под кожу.

– Вы… вы что сделали?! – ахнула я, разглядывая светящийся под кожей узор.

Меня смерили снисходительным повелительственным взглядом, и в какой-то момент показалось, что ответа я не дождусь, но он все-таки ответил:

– Взял то, что принадлежит мне по праву.

Лучше бы молчал, честное слово. Но даже если бы промолчал, я бы (по своим относительно нескромным познаниям в магии) поняла, что вот это вот на моей руке совершенно точно не рисунок для настроения. Особенно если учесть, что похожий вьюн, разве что более насыщенного, ближе к черному, чем к зеленому, цвета, уходил под плотный манжет по его руке. Даже ребенок мог сложить два и два и получить четыре, то есть что-то наподобие… наподобие брачных браслетов, которыми пользовались армалы.

– Вы сейчас понимаете, что вы сделали? – кажется, во мне кончился словарный запас, но я уже была близка к тому состоянию, которая моя сестра называла «маэлонский синдром».

Как-то мы с Майклом гостили у людей, воспитавших Анри, фактически, его вторых родителей, и по утрам, в соседнем доме, отделенном от нашего только каналом, постоянно истошно вопила женщина. Маэлонцы – народ горячий, так говорил муж моей сестры, и вот сейчас я почувствовала совершенно недостойное сестры герцога желание. А именно – швырнуть в повелителя коробочкой, которую держала в руках и орать так, чтобы у него заложило уши. Может, его хотя бы так проймет.

– Так будет лучше для вас, – заявил он. – Знак моей принадлежности, леди Лавиния, лучшая защита: никто не посмеет даже взглянуть в вашу сторону.

– Защита от кого?! – прошипела я.

– От тех, кто мог на вас посягнуть, пока мы не были моей невестой.

У-у-у-у-у!!!

– Я вам не невеста!

– Неужели? – он совершенно недопустимо скользнул пальцами по моему предплечью. – Этот знак говорит обратное.

– Вы нанесли его, не спросив моего согласия!

– Не я, это сделала Изначальная.

Всевидящий, он бредит!

– Кто такая изначальная?

– Изначальная – это суть всего живого и мертвого, это сердце Аурихэйма и мира, из которого вы пришли. Ее же называют природой, но довольно. Все вопросы вы сможете задать позже, сейчас нас ждут.

– Кто?!

– Один из моих главнокомандующих, которому было поручено вас привести, не справился с задачей своими силами. Он вас поцеловал, и за это будет жестоко наказан.

Во мне повторно кончились слова, а брови поднялись сами собой. То есть тот мужчина, который привел меня – его главнокомандующий? Нет, я была не против высказать ему все что думаю за то, что меня сюда приволок, но почему-то сейчас мне стало по-настоящему страшно. Может, потому, с какой непробиваемой физиономией этот тип говорил о наказании.

– Подождите, – сказала я. – То есть вы собираетесь его наказать за то, что он выполнил ваш приказ?

– За то, что посмел к вам прикоснуться.

– Но…

– Нас ждут.

– Вы сошли с ума, если думаете, что я с вами куда-то пойду. Тем более чтобы смотреть на экзекуцию! – выпалила ему в лицо.

– Пойдете, – не меняясь в лице, произнес он. – Надевайте мой подарок.

В эту минуту я осознала, что ладонь, сжимающая коробочку, взмокла от пота. Разжав пальцы, я с силой швырнула ее о стену:

– Нет!

– Отлично. Значит, пойдете без нее, – один короткий взгляд, и моя рука снова ложится в его ладонь.

Чувствуя себя послушной куклой, я следую за ним, пытаясь справиться с охватившей меня беспомощностью. На миг оно становится далеким и незначительным, потом возвращается снова, отступает – накатывает, как волны на берег.

– Что со мной? – шепчу я, когда мы выходим в коридор.

– Это действие Аурихэйма, леди Лавиния. И моей силы, – он смотрит на меня сверху вниз, тяжелый взгляд давит на плечи. – Я предлагал вам защиту от нее, но вы отказались.

Защиту?

Так это была защита?! От чего? От чар? От воздействия, которое он может на меня оказать?

Голова снова начинает кружиться, особенно когда я смотрю на стены. Здесь, вне моих комнат, они напоминают черный мрамор, изрезанный кремовыми и белыми прожилками. Под ногами клубится черный туман, расступающийся и жмущийся к стенам, пропускающий нас. От тумана исходит странный, пугающий холод, и я вдруг понимаю, что он мне напоминает.

Силу моей сестры.

Некромагию.

Пол под туманом меняется, приходя в движение, смывая краски и возвращая их, когда туман отступает.

– Это…

– Смерть, – подтверждает он. – Вся изначальная магия рождена в Аурихэйме, леди Лавиния. В ваш мир она пришла с нами и по нашей воле, но вы, люди, даже не сумели ей достойно распорядиться.

Глаза его на миг чернеют, становясь страшными (Всевидящий, я ненавидела, когда Тереза так делала!), а потом возвращаются к привычному темному цвету. Поклясться могу, что он видит больше меня, и что холод в этих коридорах соткан не только туманом.

– Я не могу быть вашей второй сутью, – повторяю. – Вы олицетворяете то, что я никогда не смогу понять.

– Жизнь и смерть – единое целое. Смерть может стать жизнью, а жизнь – обратиться в смерть. Со временем вы все поймете.

Да не хочу я ничего понимать!

Мне хочется крикнуть ему это в лицо, но я не могу. Я вообще ничего не могу, кроме как ругать себя за то, что не взяла то, что в коробке. Возможно, это была ложь, очередная обманка, но что-то мне подсказывает, что нет. Ему незачем лгать, потому что он здесь – абсолютная власть, существа, которые попадаются нам по дороге, не всегда напоминают людей даже отдаленно, но даже те, кто напоминает, склоняются перед ним, меня же царапают холодными когтями взглядом. Теперь уже я не сомневаюсь, что действительно в Аурихэйме и что то, что всю жизнь считала сказками, сейчас оживает у меня на глазах. Еще, если верить легендам, элленари не лгут, и в том, что он – элленари, я теперь тоже не сомневаюсь.

– Мы можем вернуться? – спрашиваю я. Не хочу чувствовать себя куклой, не хочу чувствовать, как взгляды проходящих мимо вонзаются в меня леденящими шпагами. – Я надену ваш подарок.

– Нет. Пусть это послужит вам уроком.

От того, как жестко и холодно звучат слова, становится нечем дышать.

– Ненавижу вас! – выдыхаю я.

– Вы из мира людей, – это уже пренебрежительно. – Чувства – ваш удел.

– Что, правда? – спрашиваю я. – Разве вы не воюете? Не делите власть? Не убиваете друг друга?

Если верить легендам об элленари, их переделам власти могут «позавидовать» самые кровавые перевороты нашей истории.

– Разумеется.

– Тогда чем же вы лучше людей?

– Мы не прикрываемся чувствами.

Коридоры наконец-то заканчиваются, начинается лестница, по обе стороны от нее застыли мужчины в форме, на переходе еще стража, внизу тоже. Черный мрамор повсюду, разбавляет его только полотно – легенда создания мира, огромная «живая» картина, которая постоянно находится в движении. На ней тьма и свет сплетаются воедино, иссиня-черная дымка, цветовое воплощение магии смерти, сливается с серебром жизни. От столкновения рождается огненный взрыв, и стихии раскрываются во всем своем многообразии. Пронизывая окружающую первородную тьму, змеится ядовитая зелень магии искажений (о последней я знаю ничтожно мало и только со слов Винсента, описавшего мне суть случившегося со мной). И наконец, растворяя все и сменяясь ослепительным золотом, клубится нечто похожее на солнечный свет. То, что в нашем мире называют антимагией, или даром хэандаме.

То, что способно лишить силы любого мага.

– Всевидящий, – выдыхаю я.

У меня чувство, что я стою у истоков всего, чем жила, но это чувство так же быстро проходит, потому что мы спускаемся в огромный холл и проходим через распахнутые двери во внутренний двор. Он окружен уносящимися ввысь стенами, у которых собралась бесчисленная, необъятная толпа. Стоит нам выйти, как воцаряется абсолютная тишина. Кажется, что если упадет перышко, я услышу.

Впрочем, это тоже становится неважным, потому что в центре двора, на каменном возвышении, стоит мужчина, который меня сюда привел.

Льер.

Из-за магии и чар я запомнила его смутно, зато сейчас видела очень отчетливо. Несмотря на подчиняющий морок, давящей силой превращающий меня в статую рядом с этим… статуином, всей кожей почувствовала, как взгляд его вонзился в меня. А глаза у него синие, насыщенные темной глубиной, которой отмечена ночь.

– Приветствуйте будущую королеву Аурихэйма!

По руке прокатился жар, эхом сильного, низкого голоса элленари – от запястья по предплечью и выше, обжигая. Мне не нужно было даже поворачиваться, чтобы увидеть, как исступленно полыхает зеленью новообретенный узор, но под оглушительный рев толпы, разномастной, не похожей своей тысячеликой сутью ни на что из того, что мне доводилось видеть ранее, я вряд ли смогла бы кого-то выделить.

– Я отпущу вас, леди Лавиния, – раздался справа от меня негромкий голос повелителя Аурихэйма. – Если обещаете вести себя хорошо.

– Что в вашем понятии хорошо? – огрызнулась я, и тут же добавила: – Обещаю.

Морок спал.

Я просто почувствовала, как рухнула тяжесть чужой воли, беспрекословно переходящей в мою, и мир вокруг обрел более резкие грани. Острые зубцы башен, вспарывающих небо, свинец туч, исторгающих молнии. Отсюда они казались еще более далекими и нереальными, но это была реальность. Моя новая реальность, в которой мне предстояло существовать до тех пор, пока я не найду способ вернуться обратно.

Удивительно, но именно сейчас, когда чары меня больше не удерживали, все происходящее гораздо больше казалось сном. И то, как мы шли к установленным напротив каменного возвышения креслам. И то, как взгляды присутствующих окатывали меня волнами, то накрывая с головой, заставляя задыхаться от нехватки воздуха, то подбрасывая на поверхность.

– К магии Аурихэйма надо привыкнуть, – произнес он. – Жалеете о том, что отказались от моего подарка?

Да сдался мне ваш подарок!

– Нет, – заметила я. – Жалею о том, что здесь нет моего брата, чтобы размазать вас по земле!

Кажется, такого ответа он не ожидал, но королевской особи надо держать лицо, поэтому в кресло, ой простите, на трон, он опустился, раздувая ноздри.

– Осторожнее, леди Лавиния, – произнес негромко. – Вас я тоже могу наказать за дерзость.

– Не сомневаюсь, – сказала я.

И предпочла замолчать, потому что говорить с ним мне было не о чем. Каменный трон, на который я опустилась, казался живым. Если так можно выразиться, потому что исходящий от него неживой холод напоминал мне о сути магии сестры, такой же пугающей, как все, что связано со смертью. Клубящийся под нашими ногами туман замер, когда повелитель вскинул руку:

– Начинайте.

Отделившийся от толпы мужчина тоже был в темной форме. Такой же, которая запомнилась мне по первой встрече с Льером на балу. С той лишь разницей, что сейчас тот, с кем

я танцевала, был обнажен по пояс, а длинные черные волосы трепал ветер. Только сейчас я увидела, что толпу отделяют от нас фигуры в форме, своеобразный живой кордон. Сила, клубившаяся между ними дымкой тьмы, не позволяла пересечь невидимую черту.

Подчиняясь взмаху руки шагнувшего вперед, прямо из камня ввысь взметнулись две темные плети, перехватившие запястья Льера, рывком заставив его опуститься на колени. Я ахнула и вскочила бы, если бы чужая воля не уронила меня обратно в кресло. Или, правильнее будет сказать, не позволила подняться.

– Вы… вы что, собираетесь его убить? – выдохнула я, глядя как кожа мужчины под нахлестами магии смерти превращается в тлен.

– Элленари не так легко убить, леди Лавиния, – последовал ответ.

Я резко повернулась к сидящему рядом, но он по-прежнему смотрел на помост.

– Мгновенное восстановление не позволит ему умереть. А вот пережить самую страшную боль в своей жизни – вполне.

– Вы чудовище!

– Хорошо, что вы поняли это сразу.

Он едва шевельнул пальцами, и с ладоней ожидавшего приказа мужчины сорвались плети тьмы. В миг, когда они с шипением врезались в спину Льера, я отвернулась, до боли закусив губу, и в ту же минуту словно невидимая рука развернула мое лицо обратно.

– Моя королева не станет показывать слабость перед своими подданными, – последовал комментарий.

– Я не ваша королева.

– В самое ближайшее время вы ею станете, и любую вашу слабость обернут против вас.

– Лучше я буду слабой, чем стану похожей на вас.

– Не переживайте. На меня вы никогда не станете похожи.

Отвернуться мне не давали, толпа ревела, как сумасшедшая, но даже она не перекрывала страшного шипения тьмы, вгрызающегося в плоть. Снова и снова.

Снова и снова.

Снова и снова.

– Он выполнял ваш приказ! – выдохнула я, давясь словами. – Он ничего мне не сделал, остановите это. Вы же можете это остановить!

Понимая, что ничего не могу сделать, даже отвернуться, глотала бессильные сухие слезы, глядя на то, как бесстрастное лицо Льера с каждым ударом все сильнее искажает судорога. В тот момент, когда под очередным ударом вздрогнули его плечи, что-то внутри меня взорвалось. По ощущениям – крохотное солнце, или вроде того. Удерживающая меня сила показалась хрупкой, как статуэтка лацианского стекла, и лопнула, как лишенные поддержки вековых стен цепи.

В одно мгновение, сама не понимая как, я оказалась рядом с проклятым камнем, закрывая мужчину собой. Успела увидеть перекошенное лицо палача, летящие в меня черные плети, а потом с моих рук сорвалась моя родная, живая магия. От столкновения жизни и смерти полыхнуло перед глазами, меня отбросило назад, как от взрыва. Последнее, что я почувствовала – это как Льер меня подхватил. Последнее, что увидела – это его лицо и тонкий узор на высокой скуле, поднимающийся на висок.

Потом померкли и свет, и тьма.

6

Матушка говорила, что порядочная леди должна падать в обморок, когда сталкивается с какой-то ужасной ситуацией. Долгое время (особенно в детстве) я считала себя непорядочной, потому что не теряла сознание вообще, но теперь, кажется, перевыполнила план по порядочности леди. Да что там, наверное, ни одна порядочная леди не падала в обморок столько, сколько я за последние дни.

Об этом я размышляла философски, глядя на плавающий надо мной потолок. Тот факт, что цветочный узор на нем постоянно изменяется, меня уже почти не смущал, зато смущало другое. Я оказалась пленницей самодура, ладно бы просто пленницей, но он вознамерился на мне жениться, уверенный в том, что я его кто-то там. С этим определенно надо было что-то делать, и как можно скорее, потому что (случившееся вчера говорило об этом более чем красноречиво) он женится на мне без моего согласия, а этого я уже совершенно точно не могу допустить.

Мне хватило замужества с Майклом, чтобы снова по уши вляпаться в то же самое. И пусть даже Майкл был далеко не подарок, его я выбрала сама, равно как и то, что оставалась с ним все это время (пусть даже сейчас этот выбор казался мне несколько… гм, ошибочным). Так что если этот повелитель думает, что я просто так смирюсь с участью будущей жены, он глубоко ошибается.

Осталось только объяснить ему, насколько.

Поднявшись и набросив легкий, почти невесомый пеньюар из ткани, какой мне раньше видеть не доводилось, я первым делом подошла к окну, но тут же поспешно отвернулась. Привычка, которая в нашем мире стала ежеутренним ритуалом, сейчас отчетливо напомнила о наказании во внутреннем дворе. Перед глазами стоял профиль Льера, вгрызающиеся в обнаженную кожу плети тьмы, и я внутренне содрогнулась.

В Энгерии жестокости тоже было хоть отбавляй, отец, например, воспитывал Терезу с помощью плети. Когда я об этом узнала (сестра случайно проболталась во время одной из бесед, забывшись), то пришла в ужас. Но эту непроницаемая, словно выточенная из камня физиономия повелителя, равнодушно взирающего на откровенное издевательство, сейчас перебила все.

Вспомнив об этом, а еще о горячей дрожи, впитывающейся в кожу вместе с узором, метнулась к зеркалу. Коробочка, которую он принес, к счастью, все еще была там, и я ее распахнула. На черном бархате лежало колье из металла, который мне раньше видеть не доводилось. Он напоминал не то платину, не то сталь, уходя в глубокий пепельный оттенок и являясь оправой для изрезанных сияющими прожилками неровных графитовых камней. То, что оно мне подходит, как Терезе розовые бантики и рюши, было делом десятым. Я поспешно схватила колье, чтобы его надеть, но увидела, что на нем нет застежки.

– Хм…

Закусив губу, приложила его к груди и вздрогнула.

Металл, как подчиняющийся магии жизни вьюн, скользнул по коже, меняя форму украшения и срастаясь прямо на мне. Миг – и на шее уже защелкнулась металлическая бархотка, в изменившихся узорах оправы тускло сверкали непонятные камни. И все бы чудесно, вот только это чересчур напоминало ошейник, который мне всучили под предлогом защиты. Вцепившись в него руками, я попыталась сорвать «подарочек», но пальцы обожгло болью:

– Ай!

В ту минуту, когда я дула на ладони, в спальню вошла Эйзер, а вслед за ней невысокий мужчина с гладко выбритыми висками и ушами острыми, как сарказм моей сестры.

– Аэльвэйн Лавиния! Кто вам разрешил подниматься?!

Кто мне разрешил, кто мне разрешил…

Сама я себе разрешила!

– Немедленно возвращайтесь в постель! – Эйзер шагнула ко мне, но ее оттеснил мужчина, кажется, тоже элленари: это я поняла по его меняющим цвет глазам. Из рыжих они становились красными и снова возвращались к огненным.

– Занятно, – произнес мужчина. – Очень занятно.

У него на лице тоже присутствовал узор, на висках: два тонких, иссиня-черных вьюна, перетекающих на скулы.

– Что именно вам занятно? – уточнила я.

– Вы пережили первый пространственный переход, открытый самостоятельно. – Мужчина посмотрел мне в глаза, но я не испытала даже легкого головокружения. – В Аурихэйме способности смертных магов…

У-у-у-у!

– Я была бы вам признательна, если бы выражались о людях с наибольшим почтением.

Серебристые брови приподнялись. У него была очень занимательная внешность, если не сказать больше: серебро волос и огненные глаза. Зрачок то и дело вытягивался в горизонталь, но наверное, к этому стоит привыкать.

– Как скажете, аэльвэйн Лавиния. Словом, способности тех, кто перешел в наш мир из вашего, очень нестабильны в первые дни. Возможно, именно за счет этого вы и совершили пространственный переход.

Тут только до меня дошел смысл его слов.

– Пространственный переход? – уточнила я.

– Именно, – он провел ладонями в нескольких дюймах от моего лица. – Но я не чувствую ни малейшего колебания силы, хотя вчера, когда я вас осматривал, вы были полностью истощены.

Так.

– Вы хотите сказать, что я воспользовалась магией искажений? – уточнила я. – Порталы можно открыть только с помощью магии искажений.

– В вашем мире.

Ой, нет.

– Что значит – в вашем мире?! Магия везде одинакова…

– Если магия везде одинакова, как вы объясните это? – Он кивнул на видоизменяющийся на стенах узор и бутоны, которые медленно раскрывались цветами без малейшего намека на то, откуда они могут черпать силу.

Определенно, это я объяснить не могла.

– То, что вы, люди, называете магией искажений и приписываете мааджари, одной из сильнейших и страшных цивилизаций вашего мира, – продолжал мужчина, – на самом деле источник всего. Без нее ни одна магия не могла бы существовать. Об этом вы когда-нибудь задумывались?

Не уверена в том, что об этом положено было задумываться леди (по крайней мере, матушка считала, что не положено, и все наше общество было с ней солидарно). Но кажется, сейчас я начинаю понимать, насколько они были неправы.

– Именно поэтому она настолько сильна. Именно поэтому овладеть ей может любой маг, обнаруживший древние знания и обладающий высоким потенциалом. Вы же сделали это бессознательно.

– Почему?

– Давайте познакомимся. Меня зовут Хьерг. – Мужчина чуть склонил голову. – Я магистр исцеления при дворе Повелителя Золтера I.

Очень приятно познакомиться.

Дважды.

– Леди Лавиния Биго, – реверанс я изобразила неосознанно, и только потом это поняла. – Буду признательна, если вы будете называть меня именно так.

– Леди Лавиния, – произнес Хьерг. – Позвольте мне вас осмотреть.

– Для этого нужно мое разрешение?

Мужчина снова приподнял брови, и я вздохнула.

– Прошу прощения. У меня выдалось несколько очень трудных дней.

– Я не стану к вам прикасаться, – произнес он. – Но мне нужно, чтобы вы были расслаблены и спокойны. Поэтому придется лечь.

В целом, я даже была не против. Учитывая то, что от новостей, падающих на меня как перезревшие фрукты в летнем саду (одна за другой), снова начинала кружиться голова. Хотя может, дело было в душившем меня «подарочке».

– Вы не знаете, как это снять? – уточнила я, указав на шею.

– Голову?

Всевидящий, здесь у кого-то есть чувство юмора!

– Нет, с головой я пока повременю. Украшение.

Хьерг, едва уловимо улыбающийся, тут же стал серьезным.

– Подарок Повелителя может снять только он сам.

Потрясающе! Отлично. Почему я совершенно не удивлена?

Опустившись на кровать, закрыла глаза, позволяя целителю (да простит меня магистр исцеления за эту фривольность в его ранге, а он простит, потому что никогда не узнает) меня осмотреть. Ни на минуту не сомневаясь в том, что он ко мне не прикоснется, потому что если Льера за один поцелуй ожидало такое…

Мысли о Льере вернули с небес на землю, то есть в размышления о том, как отсюда выбраться как можно скорее. По сути, об элленари я знала немного, но то, что знала из легенд, рассказывало о существах небывалой красоты и столь же небывалой жестокости. Если верить книгам, они обитали между мирами (потусторонним и нашим), из-за этого впитав в себя совершенно непонятные людям черты, зачастую до неузнаваемости меняющие внешность населяющих Аурихэйм рас. Была и еще одна особенность, за счет близости ко всему сущему элленари могли менять форму, превращаясь в животных, растения, камни… словом, во все сущее. Согласно этой легенде первый таатрин (птицеобразный оборотень, некогда существовавший в нашем мире), был наполовину элленари.

Вопрос в том, насколько это правда.

– Аэльвэйн Лавиния совершенно здорова. Сообщи Повелителю.

Голос Хьерга выдернул меня из мира легенд, которые я быстро перебирала в уме, и в эту же минуту я осознала, что ничего не почувствовала во время осмотра. Не то что прикосновения, даже на уровне магии.

– Как вы это делаете? – спросила я, усаживаясь на кровати.

Эйзер уже вышла «сообщать Повелителю», но как ни странно, в его присутствии я не чувствовала ни малейшей неловкости. Хотя любой порядочной леди не полагается оставаться наедине с мужчиной, не говоря уже о том, когда на ней только легкий пеньюар поверх ночной сорочки.

– Что именно?

– Осмотр. Я ничего не почувствовала.

– Не зря же я магистр исцеления, – Хьерг снова улыбнулся уголками губ и направился к двери.

– Как себя чувствует Льер?

Слова сорвались с губ, подействовав на элленари, как магическая преграда. Он остановился слишком резко, и столь же резко обернулся.

– Осторожнее с подобными вопросами, леди Лавиния, – предупредил он. – Это может плохо кончиться и для него, и для вас.

Да, кажется я прекрасно понимала, о чем он говорит, но прежде чем меня посетило желание откусить себе язык, Хьерг произнес:

– Я вас не выдам, но на будущее – для вас он Ангсимилльер Орстрен, главнокомандующий его аэльвэрства Повелителя Аурихэйма.

Его Зверства, я бы сказала.

– Спасибо, Хьерг, – произнесла искренне.

– Хорошо.

В ответ на мой незаданный, а если быть точнее, недозаданный вопрос, элленари произнес:

– Тот, о ком вы спрашивали. Сейчас с ним все хорошо.

Я не успела спросить про Амалию, элленари вышел, плотно притворив за собой дверь. Впрочем, надолго я одна не осталась, Эйзер вернулась быстро и сообщила:

– Аэльвэйн Лавиния, Повелитель желает разделить с вами завтрак.

Завтрак со мной пожелали разделить в зале, который превосходил даже нашу столовую в Мортенхэйме. Длинный стол на более чем двадцать персон врастал мраморными ножками в пол, и веяло от него холодом. Впрочем, чем еще может веять от стола, когда за ним сидит Его Аэльвэрство.

Себе он не изменяет, весь в черном, спасает этот наряд только серебристая окантовка. Пожалуй, еще цвет волос элленари, на который больно смотреть, но принимая во внимание то, что мне на него смотреть не очень-то хочется, сойдет. Он поднимается из-за стола, чтобы подать мне руку, за которую мне не хочется браться. Мне вообще не хочется к нему прикасаться, но кто бы меня спрашивал, правда? Ни один уважающий себя мужчина в Энгерии не возьмет женщину за руку, пока она не позволит, этот же сжимает мои пальцы, и в грудь ударяет тягучим, зыбким жаром.

Отнять руку не представляется никакой возможности, поэтому приходится делать вид, что мне все равно. Все равно получается какое-то странное, я бы сказала, даже чересчур, потому что чем сильнее я пытаюсь избавиться от этого чувства, тем ярче полыхает в груди.

– Это знак моей принадлежности, – сообщают мне тем же ровным тоном, которым вчера сообщили, что мы идем смотреть на пытки. – После обручения станет проще.

– Я вам не принадлежу, – с трудом справляюсь с охватившими меня чувствами. – Никакого обручения не будет.

– Разумеется, будет. В ночь схождения луны и солнца, под Аркой Благоденствия.

Разумеется.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю, когда мне отодвигают стул рядом с ним.

– В моем мире я не должна сидеть рядом с вами.

– Вы в моем мире, леди Лавиния.

Ах, так? Хорошо.

Устроившись на стуле, хочу расправить платье, но пальцы хватают пустоту: совсем забываю, что здесь нет кринолинов. Здесь нет ни белья, ни нижних сорочек, поэтому я чувствую себя почти раздетой, особенно под его взглядом, которым он, не стесняясь, меня обводит. Мы сидим так непростительно близко, что при желании он может коснуться моих пальцев, поэтому я убираю руки и складываю их на коленях. Еще один минус Аурихэйма – здесь никто не носит перчаток, и каждое прикосновение, как беспардонная близость. К счастью, тарелки здесь самые обычные и приборы тоже. А вот блюда…

– Что из этого можно есть, чтобы не отравиться?

Взгляд Золтера темнеет.

– За моим столом вы не будете отравлены, леди Лавиния.

– Правда? У меня в этом серьезные сомнения.

Его глаза темнеют еще сильнее, и вместе с ними темнеет узор на лице, из насыщенно, темно-зеленого становясь почти черным.

– Позвольте спросить, почему.

– Начнем с того, что меня притащили сюда помимо моей воли.

Последние мои слова провоцируют такую тишину, что у меня начинает звенеть в ушах. Если до этого слышался едва различимый шелест шагов прислуги, сейчас от него остаются одни воспоминания. Так же, как от шороха расставляемых по столу блюд, у меня такое чувство, что время снова застыло, но на этот раз по моей воле.

– Продолжим тем, что вы ничего не желаете слышать о моем возвращении домой и о моих желаниях в принципе. Хотя бы потому, что вчера вы заставили меня смотреть на то, что я считаю жестоким и бесчеловечным, – заметила я. – А после нацепили на меня ошейник под предлогом подарка.

– Выйдите.

Его голос звучит тихо, но проносится, как раскаты грозового эха. Теперь я слышу не только шелест и шорохи, но кажется, даже, шуршание крыльев. Хотя последнему, кажется, здесь неоткуда взяться, но я все-таки невольно оглядываюсь. Чтобы увидеть легкую рябь, скользнувшую по стене под ожившей картиной, в которой краски сменяются на пепел и тлен. От неожиданности замираю, а в себя прихожу от жесткого прикосновения пальцев к подбородку.

В меня словно молнией ударяет, я даже не сразу понимаю, что происходит. Ожерелье-ошейник оживает, сползая в его ладонь покорной змеей, а в следующее мгновении эллинари отбрасывает его на другой конец зала. Миг – и краски перед глазами стираются, а потом снова вспыхивают, ослепительно ярко. Я чувствую прикосновения пальцев к щеке так остро, как ничто и никогда.

От этого прикосновения кожа горит, полыхает, как его волосы, и весь мир сходится в его глазах. Опасный, темный взгляд вонзается в меня, вызывая одно желание: податься вперед, коснуться кончиками пальцев легкой щетины, губами – губ. Все это так остро, так яростно, так горячо, что мне становится нечем дышать, особенно когда он, скользнув пальцами по моей щеке в небрежной ласке, убирает руку.

Кажется, с моих губ срывается стон, не то отчаяния, не то разочарования, и я тянусь за продолжением этого прикосновения, когда слышу:

– Вы больше никогда не поставите мои слова под сомнение в присутствии посторонних, – этот голос ввинчивается в сознание сквозь исступленную жажду прикосновений, до этой минуты неведомую. Пульсация на руке, на предплечье, в плече, чувствуется, как биение сердца. – В противном случае я сниму с вас защиту и закончу то, что начал сегодня, на глазах у тех, в присутствии кого вы в следующий раз решите показать характер.

Последние его слова ударяют, как пощечина, и наваждение рассеивается. Вместе с ним рассеивается жар в груди и боль от невозможности почувствовать его губы на своих. Осознание того, что мне только что довелось испытать, жаром плещет на щеки, заставляя сжимать кулаки.

– Надеюсь, мы с вами друг друга поняли, леди Лавиния. А теперь – если пожелаете, разумеется, принесите защиту. Я вам ее верну.

Я – маг жизни, я не умею ненавидеть, но сейчас понимаю, что рядом с ним могу научиться.

– Что ж, – говорю я, – если ваш удел – брать женщин под властью чар на глазах у всех, то я ничего не могу с этим поделать.

После чего возвращаюсь на стул без его помощи, даже не взглянув в сторону клятого ошейника. Меня трясет не то от пережитого, не то от осознания, что я целиком и полностью в его власти, тем не менее внешне я остаюсь спокойна. Расстилаю салфетку на коленях и дожидаюсь, пока он займет свое место.

– Вы так и не сказали, чем из того, что здесь есть, я не смогу отравиться, – говорю я и спокойно встречаю взгляд, полной беспросветной тьмы.

– Для людей в Аурихэйме губительны лишь плоды грига. Это яд, который убивает мгновенно.

– А для элленари? Есть здесь какой-нибудь смертельный яд для элленари?

– Вы нарочно испытываете мое терпение, леди Лавиния?

Испытываю? Это я даже еще и не начинала. Поэтому сейчас с милой улыбкой произношу:

– Ну что вы, ваше аэльвэрство. Мне просто нужно знать, чем я могу защищаться в случае чего.

– Вы здесь под моей защитой, – почти рычит он. – Никто не посмеет причинить вам вред.

– Да? – я все-таки рискую и кладу себе странное по виду блюдо, чем-то отдаленно напоминающее овощное рагу под соусом. – Это вы сейчас о тех, на глазах кого собирались учить меня уму-разуму, задрав мне юбки?

Матушка упала бы в обморок от подобного заявления, у Золтера лишь раздуваются ноздри. Меня окатывает его яростью, как ледяной водой с неба ближе к концу осени, я же опускаю глаза и пробую кусочек. По вкусу чем-то напоминает смесь картошки с горохом, разве что более твердое и волокнистое. Понимая, что говорить со мной сейчас себе дороже, его аэльвэрство предпочитает трапезничать молча, и я целиком и полностью поддерживаю его решение.

Так проходит наш первый совместный завтрак.

Когда он, наконец, поднимается, чтобы отодвинуть мне стул, я интересуюсь:

– Со мной была девушка. Где она?

Я отчетливо помню слова Льера: «Ты пойдешь с нами, девочка?», – и ответ девушки: «Да», но сейчас несмотря на это надеюсь услышать, что она осталась в Мортенхэйме, и что последнее мне показалось сквозь пелену морока элленари.

– Она в целительском корпусе.

– В целительском?! Что с ней?

Золтер смотрит на меня сверху вниз, и коротко произносит:

– Не перенесла перехода.

7

Целительское крыло отличалось от не целительского только тем, что в нем было еще холоднее. По крайней мере, мне так показалось, пока мы на пару с его альвэрхамством шли по коридорам, а все снова стелились по стенам, я сотни раз успела пожалеть, что на мне нет шали. Никогда в жизни не жаловалась на холод, даже в стенах Мортенхэйма, многовековых, каменных, поглощающих тепло, а здесь мерзла от кончиков пальцев ног до макушки. Впрочем, возможно, все дело было в магии смерти, пронизывающей это место, или, правильнее будет сказать, являющейся его сутью?

– Почему ваши целители не могут ей помочь? – спросила я.

– Потому что помогать ей в Аурихэйме бесполезно. Наш мир оказался для нее слишком тяжелым.

– И что, вы просто позволите ей умереть?! – холодно спросила я.

– Она ничего не значит.

– Для вас ничего не значит! Она – живой человек.

Пока что живой.

– Это не обсуждается.

У-у-урод.

Я сжала кулаки, мысленно досчитала до трех и так же мысленно макнула Золтера в его тьму. Раз, другой, третий. Не знаю, что чувствует элленари, которого макнули физиономией в глубинный тлен, но надеюсь, что ничего хорошего.

Он остановился так неожиданно, что я чуть не споткнулась, а потом провел по стене рукой.

– Здесь нет дверей, – пояснил он в ответ на мой невысказанный вопрос. – В этом крыле.

– Почему?!

– Большинство недугов Аурихэйма неисцелимы. Некоторые заразны. Часть из них приводит к безумию, поэтому открыть проход могу только я или целители.

Всевидящий!

Это целительское крыло? Это застенки!

Прежде чем я успела ему об этом сказать, уже оказалась в комнате. Больше и правда напоминающей подвалы Мортенхэйма (их обожала Тереза, я же спустилась туда лишь раз, и лишилась на этот счет всякого любопытства). Окна, в комнате, разумеется, тоже не было, а источниками света являлись магические шары, парящие под потолком. Иссиня-черные искры клубились внутри, создавая неяркую дымку свечения и приковывая взгляд к Амалии, лежащей на ложе.

Тянущиеся к ней со всех сторон черные щупальца окутывали тело девушки, пульсирующая в них тьма заставила ахнуть и прижать руки ко рту.

– Что вы с ней делаете?! Это же…

– Это не позволяет ей умереть, – отозвался Золтер. Я обернулась, но на его лице вновь не было ни единой эмоции. – Я уже говорил, что смерть и жизнь гораздо ближе, чем вы думаете, леди Лавиния.

Смерть и жизнь.

Прежде чем мысль успела оформиться, стена за нашими спинами разошлась, и в комнату шагнул Хьерг. Коротко поклонился:

– Мой повелитель.

– Как она?

– Угасает. Тьма запускает ее сердце каждые полчаса. Еще ночью приходилось делать это гораздо реже.

Я прижала ладони к глазам, потом снова повернулась к нему.

– Пожалуйста. Позвольте ей вернуться.

– Нет.

– Бо…

– Прежде чем вы зададите вопрос, за который мне придется вас наказать, нет. Я не боюсь, что по ее следу найдут вас. Я не боюсь, что сюда явится кто-то из вашего мира – ваш брат, или кто-то еще, в Аурихэйм не попасть без проводника-элленари. Я не боюсь, что мне придется сразиться с вашим братом, этого стоит бояться вам.

Он едва пошевелил пальцами, и опутывающие Амалию путы налились силой глубинной тьмы, от которой меня бросило в озноб.

– Ваша спутница не переживет повторного перехода. Ее сердце остановится, как только мы уберем тьму. А повторное пересечение границы миров расплавит ее тело.

Хьерг нахмурился, я же задохнулась от ужаса. Неужели нечего нельзя сделать?! Неужели…

Смерть и жизнь.

Эта мысль снова ворвалась в сознание, когда я ощутила клубящуюся в углах глубинную тьму.

Смерть и жизнь.

Тереза запустила сердце Анри с помощью своей силы, она рассказывала об этом много лет спустя. Она вытащила его брата из самого сердца тьмы, и за это обзавелась седой прядью, отметиной Смерти. Я бессильна там, где царствует Смерть. Но я могу ее спасти там, где есть Жизнь. Пусть я не целитель, но я могу поделиться с ней тем, чем меня наградила магия.

– Мне нужно в лес, – сказала я. – Есть здесь лес? Поблизости. Я смогу спасти ее. По крайней мере, сделаю все, что в моих силах.

Хьерг и Золтер переглянулись, и на миг показалось, что его аэльверство стал еще темнее.

– Это невозможно, леди Лавиния.

Странно, но это сказал целитель.

– Почему?!

– Потому что вы еще не оправились после случившегося вчера.

– Вы говорили, что я чувствую себя отменно!

– Но это не значит, что стоит злоупотреблять магией, едва преодолев рубеж Аурихэйма.

– Это значит, что нужно дать ей умереть?

– К сожалению…

– К сожалению?! – заорала я, не выдержав спокойного тона целителя.

Стоят тут, как два истукана, когда молоденькая, ни в чем не повинная девочка умирает у них на глазах, и говорят мне о сожалении?!

– Я не пойду в вашу Арку, – сказала я. – Не пойду с вами, даже если вы потащите меня силой, на глазах у всех. Если она умрет, я умру вместе с ней. Умру, но вашей не стану. Это понятно?!

Тьма в глазах его аэльвэрства стала зловещей, у Хьерга во всю радужку раскрылись горизонтальные зрачки, но я уже шагнула к кровати Амалии.

– Вытащите ее отсюда, – сказала твердо. – И позвольте мне ей помочь.

– Она может умереть без подпитки тьмой, – неожиданно произнес Золтер. – У вас будет не так много времени, леди Лавиния.

– Ваше аэльвэрство… – начал было Хьерг, но элленари взмахом руки приказал ему замолчать. Подчиняясь негласному приказу, целитель вышел.

– Вы снова и снова испытываете мое терпение на прочность, леди Лавиния.

– Правителю надлежит обладать хорошим терпением, – огрызнулась я.

Жесткие пальцы легли на мой подбородок, и память прикосновения ударила в меня с силой вспоровшей небо молнии. От накатившего чувства на миг стало горячо, а потом очень, очень страшно. Я никогда не отзывалась так на прикосновения Майкла, даже будучи влюбленной в него. Разве что на поцелуй Льера, наделенного пугающей и волнующей магией элленари, но про Льера мне точно не стоит думать.

– Я позволю вам ей помочь, – произнес он, глядя мне в глаза. – Но если ничего не получится, вам придется с этим жить, леди Лавиния.

– Спасибо, я знаю, – убрала его руку. – Если я ничего не сделаю, мне тоже придется с этим жить.

– Если я увижу, что ваши силы на исходе, я не позволю вам продолжать.

– Согласна, – кивнула коротко.

И уже в следующий миг передо мной открылся портал. Так легко, быстро и неожиданно, что я не успела вздохнуть, выбрасывая меня из чертогов тьмы в мир, полный жизни и света. Опутывающие Амалию путы растаяли, когда Золтер одним движением подхватил девушку на руки и шагнул вслед за мной в лес. На меня тут же обрушилось буйство красок, шум ветра, воздух, которым хотелось дышать полной грудью. На миг показалось, что я снова в своем мире, в предместьях брата или даже в нашем парке у Мортенхэйма, больше напоминающим лес.

Но только на миг.

– Сюда, – сказала я, указывая на лабиринт из незнакомых соцветий в самом сердце поляны.

Опустившись рядом с бесчувственной девушкой на колени, положила ладонь ей на лоб, а другую на землю. Вздрогнула, когда тыльная сторона ладони элленари коснулась моей, а потом он убрал руку. Амалия содрогнулась всем телом, и я вскрикнула.

– Я предупреждал, леди Лавиния, – сказал он. – У вас не больше пяти минут.

Не больше пяти минут.

Ладонь легла на грудь девушки, под ней рвано билось сердце. Слишком рвано, слишком отрывисто, и от этого меня бросило в холодный пот.

«Соберись, – жестко приказала себе, стараясь не думать о том, насколько меня нервирует присутствие высшего элленари. – Соберись. Все остальное потом».

Когда-то давно, когда я только начинала постигать азы магии, Винсент отвез меня в лес. Нам удалось вырваться, потому что матушка уехала в Лигенбург, и там я упала, раскинув руки, впитывая в себя всю силу жизни. Тогда я была совсем девочкой, мне было восемь, но я чувствовала, как тянется ко мне все живое. Как шумит листва, отзываясь на каждый мой вдох, как под пальцами собираются росинки, и как громко поют птицы.

– Винсент, это потрясающе! – воскликнула я, только сейчас осознав, что лежу на траве и выпачкала платье, но брат не проронил ни слова упрека.

– Лес тянется к вам, Лавиния, – произнес он, глядя мне в глаза. – Вы это чувствуете?

– Да, – выдохнула я. – Да! Потому что я…

– Вы его сердце.

Этот лес был другим, но он был живым. Часть растений были мне не знакомы, но я раскрылась и потянулась к ним своей магией. Позволяя ее серебристому свету коснуться травы, а сути – скользнуть по верхушкам деревьев.

– Помогите мне ее спасти, – прошептала, чувствуя, как бьется под пальцами сила жизни. Истинной жизни, природы, не сравнимой ни с чем: от земли ко мне потянулась магия, чья суть была отражением моей. Коснувшись меня, скользнула по ладони, которой я касалась травы. Осторожно, как знакомящийся зверек, дотянулась до сердца.

Я задохнулась от странного чувства, ударившего в меня: природа нашего мира всегда отзывалась теплом и светом, а здесь сквозь приглушенную силу струились ярость и боль. Недо-

верие. Отчаяние. На миг задержавшись во мне, сила леса потекла назад, отступая, не соглашаясь меня принять.

Нет.

Этого не может быть! Нет!

Отбросив последнюю осторожность, раскрылась на полную, падая в магию с головой. Здесь, в своем полном проявлении силы я видела мир немного иначе: сквозь корни деревьев, бьющихся под землей, струилась жизнь. Почувствовав мое вторжение, она обрушилась на меня всей мощью, и я растворилась в звенящей вокруг тишине и безмолвии. В этой пустоте не было места жизни, но и смерти тоже, в ней не было места ничему. Растрескавшаяся почва напоминала иссушенную зноем землю, с той лишь разницей, что во второй еще может прорасти трава. Из этой же давно ушли все силы, черная пустыня простиралась на сотни тысяч футов, низкое небо тянулось к земле.

Пронзающее небо молнии заставили меня содрогнуться, и отступить.

Обернувшись, я увидела лес: лес во всей его красоте, живой, яркий, но стоя сейчас на границе я чувствовала его боль. Боль каждого цветка, до которого дотягивались черные щупальца тлена, дрожь земли, которую вспарывали глубокие трещины.

Усилием воли вытолкнув себя на поверхность, сдавленно прошептала:

– Помогите мне ее спасти. И я помогу вам.

На призыв откликнулись деревья: легким шелестом листвы и хлынувшим в пальцы теплом. Знакомым теплом жизни, которое я подхватила, замыкая в кольцо на себе и Амалии. Там, где начинался лес, продолжались мы, моя магия бежала сквозь каждый листок и травинку, подхватывая их силу и втекая в лежащую на земле девушку. Я чувствовала себя легкой, как никогда, силы леса элленари были не похожи ни на что из того, что мне доводилось чувствовать раньше.

Горчащие травами, которых я не знаю.

Согревающие силой многовековых деревьев, кроны которых тяжелыми шатрами оплетали поляну.

Густой травой и цветами, ароматы которых ничем не напоминали те, что известны мне.

– Живи, – прошептала я, направляя в девушку весь свой свет. – Живи, пожалуйста!

Глухой удар сердца мне в ладонь заставил вздрогнуть и замереть. А потом сердце Амалии забилось чаще, я видела, как на ее щеки вернулся румянец, как дрогнули веки. Улыбка коснулась губ, словно она спала и видела очень приятный сон. Вместе с благословением леса в меня втекала уверенность, с каждым глубоким вдохом, поднимавшим ее грудь – радость.

Миг, когда Амалия открыла глаза, стал самым чудесным за последнее время.

Глубоко вздохнув, я замкнула контуры заклинаний, не забыв поблагодарить дарующую силу природу. Отпустила плетение, забирая собственную магию под контроль, и в эту минуту девушка резко села на земле.

– Леди Лавиния! Где мы? Что… случилось?

Она в растерянности огляделась, и я вместе с ней.

Полянку, на которой мы оказались, затопили цветы. Такого количества цветов мне не доводилось видеть ни разу, они были повсюду: сплетаясь тонкими усиками-стебельками, едва покачивались на ветру. Бледно-голубые чашечки с крупными листьями источали тончайший, едва уловимый аромат, но из-за ветра и количества цветов он становился густым и вязким. Мгновение лес молчал, а потом взорвался оглушительным буйством трелей и звуков, шелестом листвы, пением птиц, криками диких животных.

– Это нрэссы, – донесся из-за моей спины голос.

Судя по тому, как Амалия смотрела на Золтера, ей явно была нужна защита. Слепое обожание в глазах достигло того предела, когда мне захотелось заставить ее отвернуться.

– Нрэссы? – переспросила девушка.

– Цветы воскрешения.

– Воскрешения? Здесь кто-то умирал?

– Вы.

Амалия упала в обморок.

То, что это обморок, я поняла, когда рванулась к ней, приложив пальцы к бьющейся на шее жилке.

– Вы ополоумели?! – выдохнула я, обернувшись на его аэльвэрство. – Она же только пришла в себя!

– Она достаточно пришла в себя, чтобы жить, но недостаточно, чтобы разом принять этот мир.

– О да, заявление о том, что ты умирала, однозначно способствует принятию мира! – выдохнула я, поднимаясь и отряхиваясь так яростно, что травинки и веточки полетели прямо на Золтера и его брюки.

– Вы снова чем-то недовольны, леди Лавиния? – Он прищурился, и я сложила руки на груди. – Ваша смертная девчонка будет жить, но это вовсе не значит, что послабления, которые я делаю для вас, будут распространяться на нее.

Подхватив Амалию на руки, а попросту, подбросив ее магией в свои элленарийские руки, его аэльвэрство открыл портал.

– Прошу, – сообщил он. – Насколько мне известно, у вас женщин принято пропускать вперед.

– Насколько известно мне, у вас женщин принято пропускать через сито вашего самомнения, – выдохнула я, но все-таки шагнула в разрыв пространства.

К моему удивлению, мы оказались все в тех же застенках, то есть простите, в целительском крыле. Не утруждаясь церемониями, Золтер сбросил Амалию на кровать и коротко произнес:

– Хьерг.

После чего вытолкнул меня в очередной портал, которые создавал с той же легкостью, с которой я считаю до двух. Хотя не уверена, что после всех этих порталов и встряски у меня получится так же легко досчитать до двух. Голова кружилась, и отнюдь не от присутствия элленари, который смотрел на меня уже немного иначе. Я бы сказала, изучающе, вплавляясь темным взглядом из-под подчеркнутых узором бровей в самое сердце.

В эту минуту я окончательно осознала, что произошло, и уже открыла рот, чтобы его поблагодарить, когда он жестко отрывисто произнес:

– Никто не должен знать о том, что произошло сегодня в лесу. Это первое. – Узор на его лице искрился, как если бы его напитали магией. – Ты никогда больше не посмеешь вмешиваться в ход казни, как поступила вчера. Это второе. И третье: сегодня я уступил тебе первый и последний раз. Помни об этом. И о том, что я сказал тебе во время завтрака.

Всю благодарность как рукой сняло. Очень вовремя. Очень!

– Правда, что вы можете принимать любую форму? – поинтересовалась я, глядя ему в глаза.

Золтер нахмурился.

– Правда.

– Станьте деревом, – с милой улыбкой заметила я. – Дубом, например. Вам пойдет.

После чего отвернулась и направилась к зеркалу, приводить себя в порядок.

Потому что ни одна приличная леди не позволит себе ходить с веточками в волосах.

8

Его аэльвэрство исчезло очень быстро (видимо, побоялось меня прибить), что же касается меня, я понимала, что бояться его нельзя. Начну – и остановиться уже не смогу. Достаточно того, что рядом с элленари у меня учащается дыхание, а желание оказаться как можно дальше от запертой внутри них силы перемежается с желаниями иного рода, которых раньше я однозначно не испытывала. По большому счету, в Энгерии считается позорным о таком думать, но мне и не доводилось. Хотя бы потому, что Майкла я действительно любила, а к тому дню, когда от наших чувств осталась одна зола, повторять опыт мне не хотелось. Да и сейчас, если честно, не хочется.

По этому поводу я пребывала в глубокой задумчивости. Поэтому, а еще потому что из-за нашей пикировки во время завтрака и того, что за ним последовало, даже не успела расспросить элленари о том, что случилось в лесу. Место, которое я увидела, было жутким. Не просто жутким, пугающим, я даже рядом с магией смерти не ощущала такой всепоглощающей пустоты, холода и животного страха. Чем бы оно ни было, оно наступало на лес, которому я обещала помочь. Помочь которому без информации вряд ли представлялось возможным.

Себе я бы тоже помочь не отказалась, но единственная ценность, которую удалось почерпнуть из разговора с Золтером – это сведения о том, что в Аурихэйм не попасть из нашего мира без проводника элленари. А отсюда – в наш? Если бы этот дубоподобный мужчинообразный властолюбивый представитель древнего народа рассказал мне о том, зачем я ему, возможно, у меня получилось бы поторговаться. Да, сестре герцога не положено торговаться, но когда речь заходит о жизни и свободе, некоторыми правилами стоит пренебречь.

Сейчас же я знала только то, что меня привел Льер, и что я для Золтера… вот тут память отказалась сотрудничать и выдавать ярчайшее слово местного диалекта. Как бы то ни было, пока на моем предплечье красуется обручальная вязь, меня никуда не отпустят, поэтому сейчас мне нужна библиотека.

Еще бы понять, как туда попасть.

Я огляделась, но поблизости не было ни колокольчиков, ни веревочек, ни модных в нашем мире артефактов вызова, столь успешно заменивших последние. В Энгерии чтобы позвать прислугу достаточно было коснуться покоящегося на стене артефакта, но здесь не было ничего подобного. Напрасно я напрягала зрение, чтобы разглядеть в сплетении листьев и цветов хотя бы что-то отдаленно похожее.

Не считая того, что моя спальня была похожа на оранжерею, от воспоминаний о которой меня с некоторых пор бросало в дрожь, больше ничего полезного в ней не было. Хотя что это я, еще безумно прекрасный вид на море и пронзающее небо молнии.

Погодите-ка.

Я приблизилась к окну, снова не пропускавшему в комнату ни частицы воздуха. Вглядываясь в искрящиеся копья, вспарывающие землю, воскресила в памяти страшное место, увиденное в лесу. Такие же молнии были там, с той лишь разницей, что здесь бушевало море, а тучи относительно передвигались по небу. В той картине все было мертво.

Да, мне точно нужна библиотека.

Огляделась: выходить без защиты было не лучшим решением, но и постоянно носить ошейник его аэльвэрства – тоже. Достаточно того, что меня отметили печатью… ладно, не будем вспоминать это страшное слово, и теперь все смотрят на меня как на его собственность.

Понимая, что еще немного, и я с такими мыслями никуда не пойду, решительно направилась к двери. Толкнув ее, вышла в коридоры, больше напоминающие мне Грань. О Грани тоже рассказывала Тереза, это место между жизнью и смертью, в котором исчезают все краски.

Здесь, посреди черного мрамора с тонкими тленно-серыми и белыми прожилками я чувствовала себя как на Грани.

Наверное.

Никогда там не бывала, и, надеюсь, не побываю.

К сожалению, указателей здесь не было, равно как и кого-то, кто помог бы мне найти библиотеку, поэтому пришлось полагаться на интуицию. Свернула направо, дошла до конца коридора и поняла, что снова стою на развилке. Это не замок, это какой-то лабиринт! В Мортенхэйме тоже можно заблудиться, но в замке моего брата присутствует хотя бы относительно поддающаяся логике геометрия. Что же касается этого места, здесь явно лучше не ходить без сопровождения. Хотя бы первое время.

Глубоко вздохнула, признавая свое поражение. Похоже, придется вернуться и сидеть, как принцесса в башне, пока до меня не снизойдет Эйзер, или его аэльвэрство, или… Мысль оформиться не успела: обернувшись, я увидела стену. Гладенькую такую стену в том месте, где только что был проход.

– Не смешно, – вырвалось у меня.

Да, смешно мне определенно не было, особенно когда я от души ударила по ледяному мрамору ладонями. Еще менее смешно стало, когда он отозвался, шипяще-свистящим:

– С-с-смертная девчонка дерется!

Я взвизгнула и отпрянула.

– Дере-е-ется, – донесся из глубины мрамора голос.

– Стоит ее проучить, как думаеш-ш-шь? – это уже сверху.

– Определенно с-с-стоит, – просвистело из-под ног.

Прежде чем я успела прийти в себя, по полу заклубился черный туман. Тот, что до ужаса напоминал темную магию моей сестры и Золтера.

Подхватив юбки, отпрыгнула, но сзади тоже раздалось шипение. Взвизгнула, когда по подолу прошелся тлен, оставляя оборванные края: не то обугленные, не то рассыпающиеся, словно от старости.

Что я там говорила про бояться? Вот теперь мне стало по-настоящему страшно, особенно когда клубящийся туман окружил со всех сторон. Единственный клочок, где его не было – место, где я стояла, с потолка тоже тянулась дымка. Протянулась и застыла, почти касаясь моих волос.

Я попыталась призвать магию, но тщетно: то ли она меня не слушалась, то ли сила окружающей меня смерти не подпускала в этот мир жизнь.

– Что вам нужно? – как ни странно, голос почти не дрожал. – Я заблудилась.

– Заблудила-с-с-сь, – прошипел туман. – С-с-смертная заблудила-с-с-сь.

Говорящая Тьма?! К такому жизнь меня не готовила.

– Поможем ей найти дорогу домой… – сверху.

– В мес-с-сто вечного упокоения…

– А как на мое упокоение отреагирует его аэльвэрство?

Туманная дымка, снова скользнувшая к моему подолу, дрогнула.

– Ты нам угрожае-ш-ш-шь?! – Туман взметнулся прямо перед моим лицом, стоило невероятных усилий не отшатнуться.

– Нет, просто интересуюсь.

– Интере-с-с-с… – Клочок тумана скользнул над моим плечо, испепелив прядь волос.

Я не двинулась с места, понимая, что любое движение может лишить меня руки или ноги.

– Интерес-с-с с-смертной… Мы давно уже мертвы. С-с-смерть нам не с-с-с-страшна…

Надрывный не то смех, не то шипящий хрип прошелся морозом по коже. В следующий миг дым рванулся ко мне, и тут же – обратно. Не в силах пошевелиться смотрела, как оседают

частички тлена, падая перед моим лицом в воздухе. В ту же минуту за спиной раздался ледяной женский голос:

– Брысь!

Туман отпрянул, втянулся в стены и в пол так резко, что я не успела и глазом моргнуть. Обернувшись, увидела женщину: белоснежная кожа, гладкая, без единой морщинки. Длинные струящиеся по плечам волосы тоже были идеально гладкими, пламенея, как раскаленная медь. Только глаза темные, как провалы бойниц в замковых стенах. И такие же опасные.

Такие же, как у Золтера.

– Здесь опасно ходить одной, – низкий голос звучал холодно. – Аэльвэйн Лавиния.

Похоже, здесь меня знают все. А я никого.

– Спасибо, что защитили, – сказала, глядя ей в глаза, – я вышла, потому что хотела найти библиотеку…

– Библиотеку? – Элленари вскинула брови, а потом запрокинула голову и расхохоталась. Ее смех напоминал звон воды в ключевом роднике, глубоко-глубоко в лесу, где стихают почти все звуки. Ближе к ночи.

Учитывая, что это было по меньшей мере невежливо, я сложила руки на груди и терпеливо подождала, пока веселье пройдет.

– Прости, – она махнула рукой, – не думала, что первое, что заинтересует смертную в нашем мире, это библиотека.

– Вообще-то меня интересует, как из вашего мира выбраться, – заметила я, и улыбка сбежала с красивых, словно очерченных тонкой линией краски губ.

– Ты либо слишком глупа, либо чересчур дерзкая, – заметила женщина, приближаясь ко мне.

Шлейф ее платья, иссиня-черный, стелился за ней, как глубинная тьма.

– Впрочем, я и без библиотеки тебе отвечу: никак. Аурихэйм закрыт от посторонних, войти сюда можно только с нашей помощью. Выйти тоже. Странно, что кузен тебе этого не рассказывал.

С вашим кузеном вообще невозможно нормально говорить.

Эту мысль я не стала озвучивать, а липкий холод осознания того, что я здесь застряла, отбросила сразу.

– Он рассказал, что нельзя войти, – заметила я.

– Кузен всегда отличался немногословностью.

Оценивающий взгляд скользнул по моей фигуре.

– Так что же, проводить тебя в библиотеку?

Заманчивое предложение. Очень.

– Не уверена, что я потом сумею вернуться, – сказала я, указывая на стену, которой раньше не было. – Часто у вас так?

– Всегда. Это место перестраивается по собственному желанию, не трогает только зачарованные комнаты и целительское крыло.

Потрясающе.

– Решай, смертная, – женщина улыбнулась. – Хочешь вернуться в свое уютное гнездышко или оказаться в библиотеке?

– В библиотеке, – сказала я.

Не то чтобы ее слова меня не убедили… впрочем, нет. Не убедили. Я хотела изучить все, что могу изучить по теме, пока у меня есть такая возможность. Не уверена, что она мне потом представится.

– Значит, все-таки глупая, – усмехнулась она.

– Как вас зовут? – я проигнорировала ее величие и снисходительность в точности с теми же интонациями, которыми меня наградила элленари.

– Мы не называем имя тем, кому не доверяем.

Вспомнились слова Льера о том, что он назвал мне свое имя, и этого вполне достаточно. Эйзер не называла его аэльвэрство по имени, сам он тоже не представился. Зато Хьерг свое имя назвал, и он же обозначил мне имя повелителя. Посчитал, что я его уже знаю? Или это был жест особого расположения?

– Почему?

– Потому что это таинство, в нем содержится частица нашей силы. Имя – самое сокровенное, первое, на что отзывается природа элленари при рождении, то, что произносится во время брачного обряда или ритуала упокоения.

– Мне казалось, элленари бессмертны.

– Тебе не казалось, смертная, – она указала в сторону продолжения коридора. – А умереть можно по-разному. Так ты идешь?

Элленари не двигалась, а плыла, грациозно и мягко, позавидовать ей могла любая даже самая благовоспитанная леди. Такая походка и умением держаться были достойны королевы, я же всерьез задумалась о ее словах. Выходит, имя элленари содержит частицу их магии? Как странно.

И если она назвала Золтера кузеном, значит, она принцесса?

Украдкой взглянула на лицо женщины: его украшал в точности такой же узор, как на лице его аэльвэрства.

– Это знак вашего рода? – решила уточнить.

Кузина повелителя в общении оказалась немногим, но все-таки чуточку приятнее него. Хотя бы потому, что не собиралась на мне жениться и не угрожала физической расправой.

– Да. Узоры отмечают наше происхождение.

Узоры, которые я впервые увидела на висках и на скулах Льера в Аурихэйме (при встрече в Мортенхэйме их не было, это я помнила точно), действительно были другими, но судя по тому, что он занимает такой высокий пост, его род тоже не последний в мире элленари. Если не сказать больше.

– Почему на Эйзер нет узоров?

Рыжая метнула на меня такой взгляд, словно я сказала несусветную глупость.

– Твоя прислужница – помесок, смертная. Ей неподвластна родовая сила.

Ужас какой-то. Расизм в чистом виде.

– Зачем я нужна твоему кузену?

Женщина прищурилась.

– Тебе не кажется, что ты играешь с глубинной тьмой?

– Нет, это она со мной играет с первого дня, как я здесь оказалась, – кивнула на клубящиеся вдоль стен черные всполохи. – Почему они хотели на меня напасть?

– О, они действительно играли, – заметила она. – Это виеррахи, уже не живые, но еще не мертвые. Армия приграничья.

– Приграничья?

– Места, где ты сейчас находишься, и основных владений кузена. Место, где царит смерть.

То, что смерть здесь царит, я уже поняла. Сюда бы сейчас Терезу, она бы здесь навела порядок.

Наверное.

Пока что я даже приблизительно не представляла, насколько сильна магия этих существ, если даже малейшее ее проявление превращает меня в безвольную куклу.

Мы миновали множество коридоров и вышли на лестницу. В отличие от той, по которой мы спускались с его аэльвэрством на экзекуцию, эта змеилась между колоннами, подпирающими куполообразную крышу, над которой клубились густые черные тучи.

– Вернемся к твоему кузену. Зачем я ему?

Не дожидаясь ответа, подтянула рукав, демонстрируя элленари обручальный узор.

– И что это такое?

– С чего бы мне делиться с тобой информацией, смертная?

– О, понимаю. Ты не имеешь права об этом говорить.

Темные глаза сверкнули яростью:

– Что ты сказала?!

– Не имеешь права об этом говорить, – повторила я. – Так мне сказала Эйзер в день моего первого пребывания здесь. Что она не имеет права об этом говорить, и что если попытается сказать хотя бы слово, умрет.

– Эйзер – помесок, – почти прорычала элленари. – Она связана клятвой тлена, как и все в этом замке, кроме тех, в ком течет королевская кровь.

О, а вот это уже интересно.

– Правда? Но я не в курсе ваших традиций.

– Это не традиция, – резко и холодно произнесла она, крылья тонкого носа дрогнули, – это обязательная клятва. Присяга на верность тому, кто правит. Это значит, что никто из ее принесших не может предать, не может тем или иным образом причинить вред повелителю или нарушить режим правления. Либо сделать или сказать то, что делать и говорить запрещено. Нарушение клятвы влечет за собой мгновенное разложение.

А вот эта информация – уже перебор.

– Значит, на королевскую кровь эта клятва не распространяется, – заметила я, отдернув руку от перил, которые неожиданно ожили и задвигались, как змеи.

– Нет.

Очень удобно. Чтобы заговор сплести, например. Хотя при условии, что все давали клятву настоящему правителю… Нет, здесь наверняка есть какая-то лазейка. Не может не быть.

– Значит, у вас не бывает переворотов?

– Ты слишком любопытна, смертная.

– Я просто размышляю, к чему готовиться. Насколько я понимаю, мне предстоит стать вашей королевой.

Женщина метнула в мою сторону насмешливый взгляд.

– Есть что-то, чего я не знаю?

– Кузену нужен от тебя ребенок, – по губам ее зазмеилась улыбка, и перила под тонкими унизанными кольцами пальцами снова пришли в опасное движение. – Куда он тебя сошлет после его рождения, известно только Тьме.

9

Сейчас я буду кричать, подумалось мне.

«Выдержка – главное достоинство настоящей леди, – так говорила матушка. – В любой ситуации, что бы ни случилось, а особенно на людях вы должны проявлять выдержку, леди Лавиния».

Она так и называла меня «леди Лавиния», от первого до последнего дня, хотя ближе нее у меня человека не было. Брата и сестру я, разумеется, тоже безумно люблю, но с матушкой у меня была особая связь. Возможно, она возникла в момент моего рождения, та связь, что возникает между матерью и ее ребенком, и проносится сквозь долгие годы, но я бы сказала, что это было нечто магическое. Пусть даже матушка всячески отрицала проявление признаков магии в женщинах (а во мне особенно), пусть даже она отказалась от развития своего дара, но мы чувствовали друг друга, даже находясь на расстоянии. Такое было у Анри с Терезой, когда на их запястьях появились брачные браслеты, сотканные из магии.

Как бы там ни было, но сейчас я буду кричать.

– Что? – очень тихо поинтересовалась я.

– А ты думала, что ему понравились твои зеленые глаза, смертная? – насмешка в ее голосе сочилась ядом.

Спокойно, Лави, спокойно. Дыши. Глубоко дыши.

– Кстати, мы пришли, – рыжая толкнула дверь, и мы очутились в просторном, холодном зале. К холоду в этих стенах я уже привыкла, а вот видеть библиотеку без единой книги было непривычно.

Единственное, что здесь было привычного – столы и стулья, да еще уснувшие под высоченными сводами зала световые шары. Я узнала их по приглушенному мерцанию, которое они источали.

– Здесь ты не найдешь книг, – словно читая мои мысли, ехидно протянула элленари. – Книги тленны, как и все в вашем мире, и доверять им знания и секреты – чистейшей воды глупость.

– Лучше глупость, чем неприподъемный снобизм, – заметила я. – И как же мне может помочь это место?

– На самом деле не представляю, – она развела руками, глядя на меня снизу вверх. – Но ты просила привести тебя в библиотеку, и я выполнила твою просьбу. Теперь ты мне должна.

– Что?!

– Долг, смертная. Это значит, что когда придет время, я попрошу тебя об одолжении, и ты не сможешь мне отказать.

– Я ничего такого не говори…

– Ну как же? Я спросила тебя, проводить ли мне тебя в библиотеку, и ты сказала – в библиотеку.

Я сложила руки на груди.

– А если бы я сказала, что хочу вернуться к себе?

Она пожала плечами.

– Это ничего бы не изменило. Я же говорю, что в нашем мире слова обладают очень большой силой.

Ответить ей, что они могут сделать со своей силой (совершенно неподобающими для леди словами), я не успела. На моей ладони возникла изумрудная метка в форме цветка, пульсация которой несколько мгновений отдавалась мне в самое сердце, а затем погасла.

Что я там говорила про то, что с ней общаться приятнее?

– Раз уж мы здесь, объясню, как пользоваться библиотекой…

– За это меня наградят вторым долгом? – прищурившись, поинтересовалась я.

Элленари тоже прищурилась.

– А ты быстро учишься, смертная. Нет, то что делаю сейчас, абсолютно безвозмездно и не несет в себе никаких скрытых мотивов.

Отлично. Надо запомнить эти слова, и всякий раз, когда мне кто-то соберется помочь, заставлять проговаривать вслух. Четко и громко.

Какой кошмар!

– Это действительно хранилище знаний, – она обвела полутемный зал взглядом. – Наши предки тысячелетиями, сотнями тысяч лет приносили их сюда и оставляли в этих стенах.

– Каким образом?

– Слова, – она поднесла палец к губам. – Сильнейшая магия.

Не дожидаясь ответа, элленари произнесла:

– Аэльвэйн Лавиния, смертная, пришедшая в Аурихэйм по воле ныне правящего его аэльвэрства. Год пять тысяч семьсот девяносто первый.

Подхваченный магией ее голос скользнул по залу и на моих глазах впитался в стену, оставив после себя легкую иссиня-черную дымку.

– Чтобы узнать то, что ты хочешь, достаточно произнести это вслух, – элленари сделала паузу, а потом резко и сильно произнесла: – Аэльвэйн Лавиния.

По стене прошла легкая рябь, и в ту же секунду иссиня-черная дымка отделилась от стены, ответив ее же голосом.

– Аэльвэйн Лавиния, смертная, пришедшая в Аурихэйм по воле ныне правящего Его Аэльвэрства. Год пять тысяч семьсот девяносто первый.

– О тебе сведений пока мало, сама понимаешь, – элленари рассмеялась, и ее голос снова зазвенел родником. – Суть ты поняла, правда, вряд ли сумеешь ею воспользоваться. Аурихэйм не отвечает на магию смертных, но это уже не мои проблемы. Хочешь остаться здесь или вернуться к себе?

Вот же… гадина!

– За долг или просто так?

– За долг.

– Остаюсь, – резко ответила я.

– Что ж, тогда могу только пожелать тебе удачи, – элленари пожала плечами и грациозно направилась к выходу.

Шлейф ее платья парил над полом, словно ее поддерживала сама тьма.

Как бы там ни было, спустя минуту я осталась в библиотеке совершенно одна, не имея ни малейшего представления, зачем. Хотя понятно, зачем: чтобы не обзавестись еще одним долгом непонятного происхождения. Вот только это не отменяет обратного пути в перестраивающемся замке с недружелюбно настроенными виеррахами.

В ту минуту, когда я об этом подумала и поежилась, над одним из столов замерцали искры открывшегося портала. Из крохотного разрыва исходило изумрудное сияние, но разрастаться оно не спешило. Меньше всего я ожидала того, что случилось дальше: сверкнув камнем, из разрыва выпал перстень. Тот самый перстень, который Винсент отдал мне в ночь моего похищения.

Прежде чем я успела его коснуться, портал сомкнулся, а в воздухе прямо над столом начали проявляться буквы: белые, в иссиня-черном свечении.

«Возвращаю тебе то, что забрал, моя королева».

Льер?! Льер!

Но… как мне ему ответить? Взгляд упал на чернильницу, в которой не было чернил. Больше того, поблизости не было ни листа бумаги, зато было перо.

Строчки погасли, взамен них появились новые:

«Вещь, которая принадлежит твоему брату, поможет тебе его увидеть. Потребуется твоя кровь и этот перстень».

Кровь! Армалы, древняя раса магов, общались таким образом: правда, они использовали зачарованные листы.

Недолго думая, подхватила перо, коротким прикосновением магии (к счастью, здесь она отозвалась) раскалив острие до предела, подтянула к себе чернильницу и, глубоко вздохнув, проколола палец. Боль пронзила от макушки до пяток, словно я не палец уколола, а окунулась в огонь. Тем не менее над сорвавшейся в чернильницу каплей тут же заклубился дым, и вскоре внутри нее переливались серебром самые настоящие чернила.

Вот только на чем мне писать?

«Я зачаровал его таким образом, чтобы ты могла видеть своих родных. Сейчас это большее, что я могу для тебя сделать. Всегда держи его при себе».

Быстро обмакнула перо, но вопреки моим представлениям чернила застыли на самом кончике. Я мазнула пером по воздуху, и черточка тут же исчезла. Слова на месте погасших не появлялись достаточно долго, и я уже подумала, что Льер ушел, когда в дымке возникли новые:

«Как ты поняла про чернильницу?»

«Мой брат увлекался магией армалов».

Снова молчание, и потом:

«Армалы многое позаимствовали у нас. Так же, как те, кто называл себя мааджари».

Мааджари. Раса, возомнившая себя богами на земле, считавшая, что те, кто не наделен магией, не достоин жизни.

«Магия пришла в наш мир из Аурихэйма?»

«Ты задаешь опасные вопросы, моя королева».

Вспомнились слова рыжей про клятву тлена, и по спине пробежал холодок. По большому счету, Льер здорово рисковал уже общаясь со мной, но видимо, в его клятве была лазейка, если он сейчас мог мне помочь.

«Как мне увидеть брата?»

«Просто капни кровью на перстень и подумай о нем».

Закусила губу.

«Тебе это не повредит?»

«Гораздо больше мне повредит твое обо мне беспокойство».

Я вспыхнула. Ну знаете ли! Это он сейчас о том, что я закрыла его собой?

«В моем мире не принято наказывать людей на потеху толпе».

«Ты ничего не знаешь о потехах, девочка. Твой мир гораздо более уродлив, чем ты можешь себе представить».

Дымка, окружающая слова, полыхнула, а затем погасла. Я смотрела на тающие в воздухе искорки, а потом швырнула перо на стол с такой силой, что оно пролетело по мраморной поверхности и свалилось на пол. Как же меня раздражает этот их элленарийский… снобизм! Превосходство в каждом жесте, в каждом слове, в каждом взгляде.

«Смертная», «Ты ничего не знаешь», «Твой мир уродлив».

Разумеется, я мало что знаю, потому что в этом мире всего несколько дней, а со мной никто особо не хочет откровенничать. Одна поделилась сведениями, и я теперь у нее в должницах, зато другой даже не потрудился сообщить, что собрался сделать мне ребенка.

У-у-урод коронованный!

При воспоминании о том, что сказала рыжая, у меня зачесались руки. Натурально так зачесались, хотелось что-нибудь разбить, желательно о голову Золтера. Пришлось глубоко вдыхать, глубоко выдыхать и снова глубоко вдыхать. Нет, так дело не пойдет.

Если его аэльвэрство хочет на мне жениться, ему придется многое мне объяснить.

10

Мне было шестнадцать, когда я встретила Майкла. Молодой и галантный, без преувеличения красивый виконт, на которого заглядывались все дебютантки, однозначно выделял меня среди остальных. Матушке это не нравилось.

«Он ведет себя недопустимо, – говорила она. – Это смазливый юнец».

Тогда я была слишком влюблена, чтобы к ней прислушаться, а позднее – слишком любила, чтобы прислушаться к себе. Я все поняла гораздо позже, когда от моей любви остались одни засохшие веточки. И то, что мужской недуг Майкла, не позволявший ему чувствовать себя полноценным мужчиной, заставил его за мной ухаживать и на мне жениться, чтобы магия жизни его исцелила, и слова матушки: «Рядом с ним вы никогда не будете счастливы, Лавиния».

Она не была счастлива рядом с отцом. Он погиб, когда я была совсем девочкой, но я как сейчас помню холодные взгляды, которыми они с матушкой награждали друг друга. Если между ними что-то и было, так это «супружеская вежливость», то, что в Энгерии очень распространено. То, что какое-то время было между мной и Майклом, когда я поняла, что любви уже не осталось.

Пару лет назад муж впервые стал оказывать знаки внимания другим женщинам. Потом он умолял меня об этом забыть, говорил, что все это связано с его несостоятельностью, что он только так и мог почувствовать себя мужчиной, просил прощения и умолял никому ничего не рассказывать. Обещал, что подобное больше не повторится. И оно действительно не повторялось до нашей горничной, а я (храня воспоминания о молодом человеке, в которого была отчаянно влюблена) решила оставить все как есть. Пусть даже наш брак был лишен важной части супружеской составляющей, я не могла просто взять и перешагнуть через все, что нас связывало.

Как выяснилось, зря.

Наша с Майклом договоренность заключалась в том, что он не приближается к другим женщинам, а мы сохраняем видимость брака, но долго она не продержалась. Нельзя построить отношения на лжи, недоверии и обязанностях, которые ни одному из вас не нужны.

Как я могла так долго его любить?

На этой мысли у меня сдавило виски, нехорошо так сдавило, больно, поэтому я решила об этом не думать. Равно как и о том, что нужно от меня его аэльвэрству, потому что когда я думала об этом, мне хотелось кричать.

Когда-то я очень хотела ребенка. Чудесного малыша, так похожего на Майкла, который возьмет от него волнистые вихры, а от меня унаследует цвет глаз. Тот день, когда я окончательно осознала, что у нас не будет детей, погасил во мне одну искру. Я не чувствовала ее в себе долгие годы, понимая, что мне никогда не стать матерью. Никогда не подержать на руках крохотного человечка, не увидеть его первой улыбки, не перебирать крохотные пальчики.

Впрочем, я действительно слишком любила Майкла, поэтому приняла и это, но сейчас осознание сказанных рыжей элленари слов заставляло меня снова и снова мерить шагами комнату. Мне необходимо было переговорить с тем, кто решил сделать меня своей, а до совместного ужина оставались считанные минуты. Эйзер принесла новое платье, не ответив ни на вопрос про здоровье Амалии, ни что сталось со старым нарядом. Меня наряжали как куклу для очередной встречи, а я все сильнее сжимала губы и считала про себя, потому что понимала: одно неосторожное слово – и я сорвусь.

К счастью, до вечера у меня было время немного остыть и прийти в себя, потому что когда я возвращалась назад по змеевидной лестнице и лабиринтам коридоров, ни один (одна,

одно?) виеррах не рискнул со мной поиграть. Равно как и замок его аэльвэрства: очевидно решили, что ничем хорошим это не кончится. Что же касается меня, я решила, что с меня достаточно игр.

Потому ничуть не удивилась, когда вместо утреннего зала, где холод продирал меня до костей, Эйзер проводила меня на самый верх. На крышу замка, куда мы поднялись по чудовищно, непростительно похожей на знакомую мне до боли по Мортенхэйму винтовой лестнице. Признаться, я так и не решилась посмотреть на брата, особенно после того, что узнала. Понимала, что не сдержусь. Не смогу увидеть его сдвинутые брови и тяжелый взгляд и остаться спокойной, а спокойствие мне сейчас было ой как нужно.

На башне, ничуть не менее ледяной, чем столовая, горели факелы. Иссиня-черное пламя рвалось ввысь, не подчиняясь порывам ветра; его аэльвэрство стояло у самого края стены, сцепив за спиной руки. Стараясь не смотреть на пламя, порожденное тьмой, и вообще особо по сторонам не смотреть (в том числе и на полностью накрытый на двоих стол, гораздо меньший по размерам, чем тот, за которым мы завтракали), решительно направилась к нему.

– Амалии стало лучше, – низкий ледяной голос ударил в меня, на миг заставив остановиться.

Повелитель обернулся, и грудь словно пронзило копье, направленное рукой порождения глубинной тьмы, но потом стало легче дышать.

– Я рада, – ответила я, приблизившись и становясь рядом с ним.

Высота стен была такой, что у меня на миг закружилась голова, но с этим я быстро справилась. Гораздо быстрее чем с пугающим чувством, которое возникало всякий раз, стоило мне взглянуть на этого мужчину. Его волосы лежали так ровно, что создавалось чувство будто они действительно отлиты из раскаленного металла и даже ветер опасается к ним прикасаться. Пересилив и это странное ощущение, я вскинула голову и поинтересовалась:

– Это правда, что вам нужен от меня ребенок?

Если эти глаза могли стать темнее, они только что стали. Насыщенно-темными, даже зрачков не различить в чернилах глубинной тьмы.

– Кто тебе об этом сказал?

– А вы подумайте, – пожала плечами я. – Кто не рассыплется прахом у ваших ног, сообщив мне такие новости?

– Ирэя, – произнес он.

Примерно таким тоном, каким мог бы зачитывать смертный приговор, но порадоваться тому, что узнала имя рыжей, я не успела. Воздух справа от меня пошел рябью и изумрудным свечением, а спустя миг портал выплюнул на пол девицу, наградившую меня долговой отметиной. Выплюнул буквально: раскрасневшуюся, с растрепанными волосами и нагую.

– Как ты посмела? – Золтер смотрел на нее сверху вниз.

– Что именно? Немного пообщаться с твоей нареченной? – рыжая облизнула губы, совершенно не стесняясь того, в каком виде предстала перед нами.

Я же пыталась обрести дар речи, а когда его обрела, первым делом бросилась к столу и выдернула из-под посуды скатерть. Блюда посыпались на пол, часть повалилась друг на друга, но я уже подбежала к Ирэе.

– Возьми, – протянула даже не пытавшейся подняться девушке.

– О, это так мило, – она перехватила мое запястье. – Ты правда считаешь, что мне это нужно?

Вспыхнув, выпустила скатерть, отступила на несколько шагов и отвернулась. Лучше уж смотреть вниз, чем на… на это. Тот, кто вышвырнул обнаженную кузину на глаза посторонней женщины без малейших колебаний, и та, кого это совершенно не смущает… нет уж, пусть разбираются сами. Тем не менее унять бешено колотящееся сердце я не могла: если в Аурихэйме такие нравы, что ждет меня дальше?

Усилием воли заставив себя остаться на месте, вглядывалась в то и дело скрещиваемые шпаги молний, озарявшие черное как сама тьма, море, пыталась вернуть себе то, чего мне так не хватало в последнее время.

Спокойствие.

Получалось плохо.

– Если ты еще раз приблизишься к ней, – донеслось из-за спины. – Или скажешь хотя бы слово без моего дозволения, отправишься в подземелья.

– Правда? – голос ее не дрогнул, но короткая пауза выдавала с головой. – Отправишь меня на пытки из-за этой…

Голос рыжей оборвался сдавленным хрипом: резко обернувшись, я увидела, как вокруг ее шеи обвилась лента змеящейся тьмы, рассыпающей вокруг нее иссиня-черные искры.

– Вы с ума сошли?! Отпустите!

Я бросилась к мужчине, но не успела сделать и шага. Сеть, упавшая на меня, спеленала по рукам и ногам, лишая возможности двигаться и говорить. Широко раскрытыми глазами я смотрела, как рыжая корчится у ног кузена, тщетно пытаясь оторвать магическую плеть от своей шеи. С ее пальцев срывалась тьма, но утекала в никуда, а от клубящегося над нами холода сердце билось рывками и раз через раз.

– Ты меня услышала, – отрывисто произнес он, после чего плети швырнули рыжую в снова разошедшееся пространство.

Лишь когда оно сомкнулось, я почувствовала свободу. А еще мелкую дрожь, прокатывающуюся от кончиков пальцев рук по всему телу.

– Вы чудовище!

– Это ты уже говорила, – жестко произнес он. – За стол, леди Лавиния.

– Вы думаете, что после всего я стану с вами ужинать?

– Разумеется, станешь, – глаза его недобро сверкнули. – Ты же умная женщина.

Это был самый жуткий комплимент, который мне когда-либо делали, впрочем, отсутствием ума я и правда не страдала. Поэтому молча приблизилась к столу, так же молча села, встречая взгляд того, кто опустился напротив.

– Ньиаехт.

Стоило ему произнести последнее, как рядом с нами материализовался (или попросту шагнул из портала) мужчина. Привыкнуть к горизонтальному зрачку у меня так и не получилось, равно как и к огненным глазам (как у Хьерга), которые то раскалялись до цвета заката, предвещающего ветреный день, то разгорались пламенем из камина.

– Убери здесь все. Накрой заново.

Накрывали при нас: остальных слуг позвал Ньиаехт, вместе с ними мгновенно уничтожив с помощью магии все следы моего желания помочь, заменив блюда и так же незаметно испарившись. Зато теперь я поняла, почему у меня в комнате не было ни колокольчиков, ни артефактов, с помощью которых можно было бы кого-то позвать. В Аурихэйме звали по именам.

Если, конечно, «звали» – это точное определение к тому, как его аэльвэрство поступило с кузиной.

– Зачем верховному элленари ребенок от смертной? – спросила я.

– На этот вопрос ты получишь ответ, когда придет время.

От такого заявления я снова утратила дар речи. Ненадолго.

– Время уже пришло. Что значит вторая суть?

На меня посмотрели так, что живо расхотелось продолжать этот разговор. Учитывая, что душевное равновесие одной хрупкой маленькой леди начинало шататься, как засыхающее на ветру деревце.

– Это идеальное совпадение. Пара.

– То есть я ваша пара? – уточнила на всякий случай.

– Станешь, когда Арка Благоденствия благословит наш союз.

– И когда же случится это незабываемое событие?

– Послезавтра на рассвете.

– Что?!

– Послезавтра на рассвете, – повторил Золтер. – Завтра состоится бал в нашу честь, который продлится всю ночь. Закончится он нашим благословением, и тогда ты по-настоящему станешь моей.

Проникнуться этой мыслью у меня получилось, только когда я смогла вздохнуть.

Что ж не сразу-то, как я оказалась в Аурихэйме?

– Вы же понимаете, что это невозможно? – спросила я, чувствуя, что меня начинает трясти.

– Для меня нет ничего невозможного.

– Для вас – может быть. Но не для меня, – я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. – Ваше аэльвэрство, мы с вами знакомы три дня. Вы наверняка представляете, какие нравы в Энгерии и представляете, что для меня значит столь стремительная помолвка, не говоря уже о чем-то большем…

– Довольно. Я не стану перед тобой объясняться, а ты не станешь больше испытывать мое терпение.

Его терпение?! Это я испытываю его терпение?

– А если я откажусь? – спросила, глядя ему в глаза. – Если откажусь идти с вами по своей воле?

– Тебя по-прежнему волнует судьба твоей смертной? – бросил он.

Это была даже не угроза, вопрос, но от скрытых внутри интонаций все волоски на коже встали дыбом. Там, в целительском крыле я решила, что он позволил мне помочь, потому что я просила его об этом. Сейчас, глядя в эти глаза, понимала, что нет. Ему нужен был кто-то, с помощью кого мной можно будет управлять.

– Вы всех женщин берете силой? – выдохнула я, плотно сжимая край салфетки. – Угрожая им жизнями тех, кто им дорог? Или это только мне так повезло?

Глаза его аэльвэрства потемнели еще сильнее, сверкнули серебром тлена, а в следующий миг меня рывком выдернули из-за стола. Мы оказались у стены в считанные секунды, меня вдавило в холодный камень так тесно, что это был даже не порог неприличия, я просто не могла вдохнуть, чувствуя, как раскаляется узор на руке. Словно он мог впитать отравленное пламя его волос, отравляя и меня.

Я попыталась отвести взгляд, но не смогла. Сначала вспыхнули щеки, затем губы, и кожа – там, где его пальцы сжимали мое запястье, там, где касались моей талии, горела тоже.

– Нет, – прошептала я, пытаясь ухватиться за ускользающую реальность, растворяющуюся на дне его глаз. – Нет, хватит…

– Все еще считаешь, что мне нужно брать женщин силой? – Золтер расслабил пальцы, повторяя контур изумрудной жилы на моей руке. Чувство было такое, что по коже скользнули раскаленной шелковой лентой, темные глаза раскрылись глубиной провалов зрачков. Я попыталась отдернуть руку, но на ней браслетом сомкнулись оковы пальцев, и в связующий нас узор ударило дикой, горячей пульсацией.

– Что вы со мной сделали?! – выдохнула хрипло.

– Не я. Метка принадлежности мне, – резкий голос заставил меня содрогнуться.

От жара, рождающегося под движением его ладоней по моим бедрам. От его слов:

– Она меняет тебя. Каждую минуту. После ритуала у Арки Благоденствия ты будешь желать меня еще сильнее.

Дыхания не хватало, поэтому когда на мне резко задрали платье, с губ сорвался сдавленный стон. Я едва успела ухватиться за ледяной камень: прикосновения ладоней к обнажен-

ным бедрам было бесцеремонным и жарким, одна часть меня отчаянно стремилась избежать этих прикосновений, другая… Я всхлипнула и подалась к нему, желая продлить эту порочную бесстыдную ласку. Казалось, отними ее у меня – и я умру, растворюсь, рассыплюсь тленом, перестану существовать.

– Прошу меня извинить.

Голос Льера ударил ледяной плетью.

Я захлебнулась всхлипом, проглотила его на вдохе. Ужас от осознания того, в каком виде я перед ним предстала, обрушился на меня с немыслимой силой, тяжестью потянул вниз. Вместо этого я выпрямилась, прижимая ладони к бедрам, расправляя водопадом скользнувшее вниз платье.

– Дело не требует отлагательств, мой повелитель.

Взгляд казался тяжелым: таким же, как налившиеся тяжестью ноги, тем не менее когда я посмотрела на Льера, ответа не дождалась. Его внимание принадлежало «его повелителю».

– Ньиаехт, – Золтер коротко кивнул возникшему слуге, – проводи аэльвэйн в ее покои.

Мужчины ушли в портал раньше, чем я успела что-то сказать, слуга указал в сторону, откуда мы пришли с Эйзер.

– Аэльвэйн.

Я шла, не чувствуя ничего, только глухие удары сердца. Хотя лгу, еще я чувствовала горящие на своих бедрах прикосновения элленари, от которых сходила с ума, продолжения которых желала так же отчаянно, как умирающий от жажды – прикоснуться к воде.

Да что там, он был моей водой.

Моим воздухом, моей жизнью, моей второй сутью, моей… парой?!

Пожалуй, эта мысль перебила все остальные, но я сумела ее удержать взаперти. До той минуты, пока осталась одна в своей спальне, и вот тогда в ход пошли подушки, статуэтки и предметы обстановки, которые, в общем-то, не сделали ничего плохого, но имели несчастье попасться мне под руку. То, что не получалось просто разбить, крушила магией, остановилась же только тогда, когда в комнате из целого осталось зеркало и кровать.

Тяжело дыша, глядя на окружавшую меня разруху, вскинула голову и содрогнулась: одна из нитей моей магии, видимо, зацепила цветы под потолком. Сейчас несколько отростков свисали безжизненными плетьми, и я зажмурилась. Никогда в жизни, никогда раньше я не ощущала в себе таких темных чувств. Майкл причинил мне боль, но даже его отъезд из Мортенхэйма не заставлял меня чувствовать себя так.

Всевидящий, нет!

Я не хочу становиться парой Золтера! Не хочу его желать! Не хочу!

Мне нужно увидеть брата!

Скользнула рукой в карман платья, достала перстень, который мне вернул Льер. Плеснув магией на первый попавшийся под руку осколок, вдавила острие в палец и вздрогнула, когда из-под него выступила капелька крови. Приложив палец к перстню, глубоко вздохнула, вспоминая Винсента. Отчаянно стремясь к нему, всем сердцем, всей душой.

Сначала ничего не происходило, потом по комнате скользнула дымка. На миг у меня закружилась голова, а потом сквозь туман проступили очертания кабинета. Так отчетливо, как если бы я, спрятавшись за эркерным окном, решила подглядеть за братом. Несмотря на поздний час, он сидел за столом, сцепив пальцы. Лоб прорезали глубокие морщины, делая его гораздо старше своих лет.

Сейчас, как никогда отчетливо, в его волосах выделялась седина, разбросанные по столу бумаги и артефакты – в беспорядке, которого Винсент не признавал – были где-то свалены в кучу, где-то громоздились друг на друга. Он повернулся в мою сторону, и на миг наши взгляды встретились: брат смотрел на меня в упор.

– Винсент, – сдавленно прошептала я. – Винсент!

Я потянулась к нему сквозь туман, но на наткнулась на невидимую преграду, и в ту же минуту Винсент просто отвернулся.

Он не видит меня.

Не видит, это просто совпадение – то, что он взглянул в мою сторону. Разочарование от этого оказалось таким жестоким, что я с трудом удержалась от стона.

Миг – и брат снова вскинул голову, но смотрел он теперь прямо перед собой, а спустя несколько мгновений к нему приблизилась Луиза.

– Винсент, вам нужно поспать, – произнесла она.

Ее голос, усталый, звучал как никогда глухо, я же замерла, забыла, что значит дышать. Льер говорил о том, что я смогу их увидеть, но не говорил ни слова о том, что я смогу слышать самых близких людей. О том, насколько это жестоко: вот так смотреть на них, не имея возможности быть рядом.

– Думаете, именно это мне нужно, Луиза? – горько спросил он. – Спать, когда моя сестра непонятно где?

– Изматывая себя еще больше, вы ей ничем не поможете.

– Ничего. Я ничего не могу сделать, – произнес он, и в хриплом, сдавленном голосе я с трудом узнала голос своего сильного старшего брата. – Я должен был остаться с ней в ту ночь. Я…

– Винсент, ты не мог знать! – Луиза повысила голос. – Ты нужен ей, но нужен сильным и яростным, таким, как я тебя знаю. Нужен таким, какими я знаю всех Биго. Чтобы перевернуть весь мир, чтобы найти ее, где бы она ни была. Уверена, что если бы она могла тебя видеть, сказала бы то же самое. Сказала, что будет бороться до последнего, и что ждет того же самого от тебя! Она ждет тебя, Винсент. Слышишь?

Какое-то время в кабинете царила тишина, лишь натянутая между супругами струна взглядов дрожала, как по велению руки музыканта.

– Ты права, – брат поднялся, обошел стол и взял руку жены в свою. – Ты как всегда права, Луиза.

Он коснулся губами кончиков ее пальцев, и она не отняла руки, только кивнула.

Они вместе направились к двери, я же магией смахнула капельку крови с перстня и рухнула на постель. Сжимая в ладони подарок брата, отзывающийся слабой пульсацией, глубоко дышала, пока обжигающие грудь слезы не отступили.

Пока не пришла мысль: я – Биго.

Никакой Аурихэйм меня не изменит.

Поднявшись, позвала свою магию. Осторожно потянулась к ней, к теплу в сердце, которое выручало меня даже в самые трудные дни. Подняла ладонь, позволяя серебряным искрам скользнуть между пальцами, оплести запястье. Разогревала ее до тех пор, пока меня всю не окутало мягким уютным теплом, от пяток, утопающий в густой траве, до кончиков волос.

– Прости меня, – прошептала еле слышно, когда на мой призыв откликнулась сила жизни. – Прости. Я обещаю, что больше никогда не стану использовать тебя так.

Раскрывшись, позволила магии скользнуть с моих ладоней по стенам. Магия жизни – магия созидания, а не разрушения, и сейчас она втекала в цветы, которыми была убрана моя спальня. Надорванные стебли срослись, бутоны раскрылись, лепестки замерцали мягким серебристым цветом, листья налились жизнью.

Спустя несколько минут вся комната переливалась моей магией, и в темноте даже осколки сверкали звездами. Напоследок скользнув ее теплом по раскрывшимся цветам, я сжала перстень в ладони, воскрешая в памяти образы самых родных людей.

Я – Биго.

И если существует способ вернуться домой, я его найду.

11

Магистр Красоты оказалась женщиной. Сомнительной, правда, красоты, либо я ничего не понимала в красоте элленари. Глаза у нее были огненные, как у Хьерга или у Ньиаехта, голова – абсолютно лысая. Витые рога венчали колокольчики, которые позвякивали в такт стуку ее каблуков, все тело было покрыто росписью. Вот роспись, пожалуй, была красивой, я оценила ее даже под совершенно прозрачным нарядом, слои легкой ткани обтекали ее тело второй кожей, не скрывая ничего. Совершенно ничего из того, что полагается скрывать женщине.

Мое платье было прекрасным. Легким и воздушным, сотканным из ткани, которую я определить не могла, пышным по моде Энгерии, с довольно скромным (по меркам Аурихэйма) вырезом, но у него был один существенный недостаток: оно было свадебным. Расшитый золотом (не уверена, что не буквально) лиф и подол, струились, как магия под пассом. Пока платье застыло в воздухе, магистр занималась моей прической.

Уже часа два.

Волосы складывались в замысловатые узоры и расплетались, чтобы лечь естественными волнами, надо мной парили заколки и шпильки, украшения, которые должны были оттенить прическу.

– Что это? – воскликнула я, когда из подпространства магистр красоты достала коробочку.

– Серьги, – ответила она низким, хриплым голосом, больше похожим на рычание.

– Я не ношу серьги.

– Теперь будете. Это подарок Повелителя.

– Нет!

Я попыталась вскочить, но шевеление губ женщины уронило меня обратно. Сковавшее по рукам и ногам заклинание спеленало, лишая возможности двигаться.

– Повелитель сказал, что с вами могут быть проблемы, аэльвэйн Лавиния, – заметила Магистр. – И разрешил действовать в рамках допустимого.

Если бы я могла, я бы ответила, но я не могла. Оставалось только проклинать повелителя всеми немыслимыми способами. Особенно когда в руке элленари возникла раскаленная от магии игла. Обжигающая боль пронзила сначала одну мочку, затем вторую, на глаза навернулись слезы, но я даже вытереть их не могла.

– Посидите пока так, – сообщила она, и серьги плотно легли на уши, сдавив их так, что мне захотелось кричать. – Учитесь почтению, аэльвэйн Лавиния, иначе это может привести к плачевным результатам.

То, что это может привести к плачевным результатам, я поняла еще утром: когда попыталась выйти и обнаружила, что дверь заперта. Я звала Эйзер, но не дозвалась – видимо, Аурихэйм «не откликался на магию смертной», либо на магию смертной не откликалась Эйзер. Еду мне тоже доставили из подпространства, буквально: когда я смотрела на ставшим привычным пейзаж, за моей спиной разошелся портал, и кто-то поставил поднос с едой на столик, после чего испарился в искрящейся дымке. Увы, кто это был, я не разглядела, разве что руки иссиня-серого цвета, и манжеты, как у повара.

Магистр вернулась к моей прическе, оставив меня с полыхающими от боли ушами и тяжелыми серьгами в них, заклинание блокировало меня, не позволяя даже смягчить неприятные ощущения, и я прикрыла глаза.

«Под магией мы понимаем то, что неподвластно людям, не наделенным даром, – говорил Винсент. – Совокупность заклятий, заклинаний, плетений, исходящих из силы, которая рож-

дается в нашей крови и закрепляется в мире. Любое заклинание состоит из основных точек – узлов, отталкиваясь от которых можно как составить плетение, так и разрушить его».

Может, магия Аурихэйма и не подвластна смертным, но каким-то законам она подвластна. Окунувшись в блокирующее меня заклинание, я поняла, что здесь все очень и очень непросто. И что Магистр Красоты разбирается в магии, как дышит. Впрочем, из того, что я здесь увидела, все элленари разбираются в магии, как дышат: те заклинания, что они творили по щелчку пальцев, в нашем мире требовали такого мастерства, как у Терезы и Винсента, и огромной затраты сил.

Интересно, откуда элленари черпают свои?

– С волосами закончили, – из созерцания (если так можно выразиться, это было магическое зрение), меня выдернул голос Магистра.

Я мысленно пнула ее под зад.

Жест недостойный леди, знаю, но я бы с удовольствием повторила его и вживую, а потом смотрела, как она едет носом по траве, заменяющей мне ковер.

Одежда растворилась, оставив меня полностью обнаженной, а в следующий миг меня со стула магией подкинуло в воздух. Платье растворилось тысячами мерцающих искр, после чего снова собралось уже на мне, в точности таким же, каким парило в воздухе. Тонкое кружево накидки легло на плечи, совершенно не скрывая «знак принадлежности», волосы стекали по спине волнами, которые (это Магистр проверила лично, потянув прядь) ложились безукоризненно, не теряя формы.

– Вашей прическе не страшен ни дождь, ни снег, – высокопарно заявила она.

Я хотела поинтересоваться, что по такому поводу, как свадьба их повелителя даже снег пойдет? Но поинтересоваться под заклинанием невозможно, поэтому я мысленно пнула ее под зад. Снова.

И пожелала от души, чтобы прическа не понравилась Золтеру.

Нет, ну а что? Этой рогатой точно не помешает парочка плетей по тощему заду.

– Ни ветер, – продолжила она, обходя меня по кругу, потом встала за спиной, пристально вглядываясь в лицо, словно пытаясь найти какие-то невидимые изъяны.

Изъянов не было. Я выглядела лет на двадцать, не больше, и то исключительно за счет темной каймы вокруг глаз, которая, как я заметила, была в Аурихэйме в моде.

– Ни даже гнев его аэльвэрства, – подытожила магистр, после чего удерживающее меня заклинание спало.

– А ножницы? – поинтересовалась я, и прежде чем та успела открыть рот, сорвавшиеся с потолка вьюны захлестнули ее, подбросили вверх и затянули в кокон.

Не под зад, конечно, но тоже сойдет.

– Учитесь почтению, магистр, – сообщила я, пока она дергалась и изрыгала проклятия, пытаясь нащупать слабую точку в плетении. – Иначе это может привести к плачевным результатам.

Точку, она, разумеется нашла, и спрыгнула на пол грациозно, как кошка. Глаза сверкали, пальцы с когтями сжимались и разжимались.

– Ч-ч-что ты с-с-себе позволяешь, с-смертная? – прошипела она.

– Ни больше ни меньше, чем может позволить твоя королева, – произнесла я, расправив плечи. – Как *ты* посмела говорить со мной в подобном тоне и так со мной обращаться? Сегодня мы с его аэльвэрством поговорим о пределах допустимого.

Разумеется, я ни о чем собиралась говорить Золтеру, но выражение ее лица того стоило.

– На колени, – жестко сказала я. – Проси прощения.

– Вы быстро учитесь, моя королева, – раздался за спиной голос, от которого меня бросило в холодный пот, а потом сразу в жар.

Медленно обернувшись (пусть даже мне очень этого не хотелось), я увидела Льера.

Он в форме, волосы черным литьем прикрывают узоры на скулах и висках, взгляд – в упор и слишком глубоко. Как и в тот день, когда элленари забрал меня из родного дома. Эта мысль отрезвила, заставляя расправить плечи и взглянуть на него сверху вниз.

– По какому праву ты врываешься в мои покои?

Такого он явно не ожидал, поэтому прищурился.

– Я здесь по приказу его аэльвэрства.

– Ну разумеется, – сказала я. – Ты же послушный мальчик. Поэтому выйди и подожди за дверью.

Я отвернулась раньше, чем полыхнувший в синих глазах темный огонь добрался до сердца. Магистр красоты все еще раздувала ноздри, как породистая лошадь, вот только меня это совершенно не смущало.

– Мне повторить? – холодно уточнила я. – Или предпочтешь объясняться с его аэльвэрством?

Повторять не пришлось: она все-таки опустилась на колени.

– Я прошу прощения за свою вольность, – процедила сквозь зубы.

– Не слышу.

– Я прошу прощения за свою вольность! – повторила она, глядя мне в глаза. – Подобное больше не повторится.

– Уже лучше. На сегодня ты свободна.

Дождалась, пока она выйдет (или, скорее, вылетит за дверь, окатив меня волной вполне ощутимой ярости), после чего приблизилась к кровати. Перстень Винсента приходилось постоянно перекладывать: держать его в нарядах было нельзя, они постоянно менялись, причем я не была уверена, что когда оставляю свою комнату, здесь не хозяйничает кто-то из возомнивших себя выше, чем «смертная».

Стоило сжать подарок брата в ладони, как уверенности и сил стало еще больше. Не представляя, куда его спрятать (здесь мне не полагалось даже ридикюля), воспользовалась способом из дамских романов Миллес Даскер, в которых героини постоянно прятали важные записки в декольте. Что они там только ни прятали, честно говоря.

Льер дожидался меня за дверями, и на миг мне стало немного стыдно: все-таки именно он вернул мне перстень. Это чувство я задушила в зародыше, потому что именно он привел меня сюда, и такой жест с его стороны в лучшем случае можно было считать извинением, а в худшем – оправданием. Впрочем, что бы он ни значил, это не имеет никакого отношения к нашему с ним общению.

Льер подал мне руку, и мы вместе направились по коридору в сторону лестницы.

Вопрос только в том, какой.

Я не представляла, какие здесь происходят балы, где они происходят, но если верить легендам об элленари, меня ждут веселье и пляски, реки вина и разврат. И это перед тем, как я стану женой Золтера, которому от меня нужен исключительно ребенок. Что ж, будем решать проблемы по мере их возникновения.

– Мне очень жаль, – слова Льера прозвучали очень неожиданно.

– Чего именно? – уточнила я, стараясь не смотреть в его сторону.

Достаточно было и того, что от невинного прикосновения по ладони растекались искры. Совершенно точно никак не связанные с тем, что обвивало мою руку и (если верить словам его аэльвэрства) делало меня его парой. Нормально ли, что будучи парой Золтера я вздрагиваю от одного прикосновения другого мужчины?

– Того, что все происходит именно так.

– Ты привел меня сюда, и теперь говоришь, что тебе жаль? – я вскинула бровь и в упор посмотрела на него.

– Лавиния…

– Моя королева будет вполне достаточно, – жестко отрезала я. – Расскажи, к чему мне готовиться на балу.

По его лицу прошла судорога, ладонь сжалась в кулак.

– Вы с его аэльвэрством откроете бал первым танцем.

Аурихэйм, Аурихэйм… а происходит все в точности, как в мире смертных. Поймала себя на этой мысли и вздрогнула: Всевидящий, я здесь несколько дней, а уже думаю, как они.

– Потом начнется праздник, который продлится до рассвета…

– С этого момента подробнее, – заметила я. – Что будет на празднике?

– Танцы. Веселье. Еда и выпивка.

Веселье бывает разное.

– Арка Благоденствия, – я старалась говорить спокойно, но мой голос все-таки слегка дрогнул. – Что это? И что случится там?

– Арка Благоденствия – место, где скрепляются союзы. – Льер смотрел на меня, но я на него не смотрела. – Когда ваш союз будет принят, узор сменится обручальным браслетом. После этого…

– О том, что будет дальше, я догадываюсь, – перебила я.

– После этого вас ждут поздравления, – произнес он.

Ну очень тактично выразился. Я подумала об этом, когда мы спустились по лестнице мимо картины магии, вот только в холле свернули не в сторону огромных дверей (которые сейчас были закрыты), а нырнули в очередной лабиринт. Виеррахи сегодня не выползали даже чтобы на меня поглазеть, да и вообще в коридорах никого не было. Как бы парадоксально это ни звучало (здесь, в царстве смерти), но огромный замок словно весь вымер.

О том, что творится за глухо запечатанными дверями, не догадался бы никто.

Потому что когда они распахнулись, мы с Льером шагнули в залу, размерами превышавшую парк Мортенхэйма. Творилось здесь нечто невероятное: раздавалось стрекотание крыльев, шелест платьев и голоса – удивительно тонкие, похожие на детские, которые перекрывало рычание, напоминающее о диких зверях. Такого количества рас и существ, о которых я не имела ни малейшего представления, я раньше не видела нигде.

Они пестрыми пятнами и сплошным аляповатым фоном растекались вдоль темных стен, под тяжелым, нависающим над нами потолком, наводящим на мысли о затянутом тучами ночном небе. Музыка вплеталась в это многоголосье, переводя шум в какую-то воистину дикарскую какофонию, но оборвалась она так же резко, как и обрушилась на меня (стоило нам оказаться внутри). Должно быть, над залом растянули полог безмолвия или что-то похожее, потому что снаружи в коридоры не проникало ни звука, и я даже не успела подготовиться. К тысячам взглядов, ударивших в меня, к живому коридору, протянувшемуся к трону.

На котором предсказуемо восседал Золтер.

12

По сравнению с моим будущим мужем королева Энгерии кажется созданием из давно забытой сказки. Сказками в нашем мире считают элленари, а я сейчас вспоминаю свой мир, как сказку. У Золтера нет короны, только узор, отметивший его происхождение, а еще раскаленная сталь волос, текущая на широкие плечи подобно извергающейся из недр вулкана лавой. На миг, издали, даже кажется, что они живые, особенно когда он поднимается и идет к нам навстречу.

Шаги в тишине кажутся оглушающе-громкими, ладонь становится тяжелой. Мне невыносима сама мысль о том, чтобы прикасаться к нему после того, что случилось вчера. Хочется развернуться, броситься из этого зала бегом, но бежать мне некуда. Приходится просто стоять и смотреть, как он приближается.

– Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

Вздрагиваю и невольно бросаю быстрый взгляд на Льера. Он на меня не смотрит, и судя по тому, что никто не смотрит на него, он не произнес ни слова, но его голос звучал так отчетливо…

Как?!

Подумать об этом у меня не остается времени, потому что Золтер останавливается напротив, и Льер вкладывает мою ладонь в его руку. В эту минуту я думаю о том, зачем это – после того публичного унижения, после наказания, снова отправлять его за мной. Впрочем, и эта мысль тоже стирается, когда его аэльвэрство поворачивается к толпе. Точнее, к толпе поворачиваемся мы.

– Встречайте мою будущую супругу, – его голос разносит эхо. – Аэльвэйн Лавинию.

Приветствие, которым взрывается зал, полно шипения и странных одиночных хлопков, которые спустя мгновения все-таки перерастают в аплодисменты. Это – дань ему, а не мне, но в следующий миг уже звучит музыка. Совершенно не похожая на вальс (она более резкая, более сильная и надрывная), тем не менее основные движения чем-то напоминают именно его.

Одна рука Золтера на моей талии, другая сжимает пальцы.

Я чувствую его взгляд: темный, от которого внутри не то вспыхивают костры, не то гаснут искры. Иногда начинает казаться, что я ослепну, если не опущу глаза, а иногда – что жар в крови обратит меня в прах раньше, чем кончится танец. Я знала, что от защиты отказалась сама, но понимала, что должна справиться с этим. Эти чувства не мои, этот мужчина не вызывал бы у меня и сотой доли того, что я переживала снова и снова, не будь на моей руке узора.

Вслед за нами в танец вливаются остальные, со всех сторон мелькают наряды, почти не скрывающие тел и тонкие шлейфы, летящие как дымка магии. Слышатся голоса и смех, в зал, освещаемый вспышками молний и парящими под потолком иссиня-черными сферами, падают серебряные искры.

– Надеюсь, тебе нравится праздник, Лавиния.

– Я не давала вам разрешения называть меня по имени.

Золтер не меняется в лице.

– Мне не нужно твое разрешение.

– Вам не нужно ничье разрешение, – замечаю я. – Кроме разрешения Арки Благоденствия. И нет, мне не нравится праздник. Мне не нравится ничего в вашем мире. Когда я смогу увидеть Амалию?

– Хоть сейчас. Могу приказать, чтобы ее привели. – Он разворачивает меня в танце, и я вижу, что на полу, на импровизированном ложе две девушки в полупрозрачных нарядах ублажают элленари. Одна восседает у него на бедрах, и прозрачная по последней моде ткань

не скрывает ничего, что происходит на глазах у всех. Впрочем, девушку это не смущает, равно как и вторую, которая просто трется о мужчину.

При мысли о том, что Амалии придется на все это смотреть, мне становится дурно. Впрочем, смотреть – это еще ладно.

– Я хочу попросить о том, чтобы ее вернули в наш мир, – говорю я. – После того, как Арка Благоденствия подтвердит наш союз.

– Вижу, ты делаешь выводы.

Невозможно хотеть того, кого ненавидишь. Невозможно, но метка пульсирует, взбирается по руке обжигающей дрожью, заставляющей испытывать странную жажду. Наподобие той, что испытывает путник, долгое время желающий сделать глоток воды. Такую сильную, что я почти готова позволить ему целовать меня прямо здесь, на глазах у всех.

Если Золтер прав, и метка принадлежности меняет меня изнутри, что будет после ритуала? Что, если все, что творится здесь, станет для меня нормальным?!

– Ваш ответ?

– Мне не нужна эта смертная. Если она не нужна тебе, она отправится в мир людей.

Если она не нужна тебе.

Амалия – единственная, с кем я смогу поговорить по душам, когда стану женой Золтера и буду искать возможность вернуться. После того, как… Нет, об этом лучше не думать. Во-первых, я не собираюсь подпускать его к себе. А во-вторых… во-вторых, как бы там ни было, я не могу рисковать жизнью ни в чем не повинной девушки только потому, что мне здесь страшно.

И одиноко.

«Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось».

Было ли это на самом деле? Или мой разум уже выдает желаемое за действительное? В танце, сквозь бесконечное серебро оседающей на беснующуюся толпу пудры, я вижу Льера. Он не танцует, просто стоит в стороне, в его ладони – тонкие пальцы Ирэи. Рыжая бросает на меня пренебрежительно-уничижительный взгляд, а его чуть ли не облизывает глазами. Подается вперед, чтобы стать еще ближе, и от этого внутри просыпается что-то темное. Хочется рывком оттащить ее от него, отшвырнуть, а еще лучше – затолкать в портал. Чтобы выпала где-нибудь в районе трона и без одежды!

Хотя какая разница, та черная дымка, которая прикрывает ее тело, вряд ли может считаться платьем. Пусть даже под ним две тонкие черные ленты, полосами стягивающие грудь и ягодицы. Стягивающие, но не скрывающие даже ареолы сосков. Действительно, к чему ей тогда была скатерть!

Мне не стоит об этом думать, и уж тем более не стоит думать о том, с кем она была в тот вечер, но в груди уже вспыхивает странное чувство, природу которого я объяснить не могу. И не успеваю: потому что Ирэя буквально проваливается сквозь пол под крики, хохот и визг, а после вываливается у подножия трона. Платье, правда, на ней, но лицо искажено яростью, волосы растрепаны. Она вскакивает, но прежде чем успевает открыть рот, Золтер вскидывает руку.

Музыка обрывается, как перетянутая струна.

В воцарившейся тишине я слышу свое дыхание и думаю о том, что уже второй бал в мою честь не задался.

И о том, что рыжая выпала в портал благодаря мне. Кажется.

Я чувствую бегущую сквозь меня силу, как чувствовала магию жизни, тепло и мощь, но это ведь не может быть магия жизни? Или может? Или Аурихэйм способен изменить не только меня, но и ее. Все эти вопросы стынут на губах, когда к нам подходит Льер, а мою руку снова передают ему.

– Отвечаешь головой, – коротко произносит Золтер, и добавляет: – Праздник продолжается!

Это как щелчок, как команда, потому что все собравшиеся снова пускаются в пляс. Его аэльвэрство направляется к кузине, но останавливается, когда слышит негромкий голос Льера:

– Даже ценой клятвы жизни?

Золтер оборачивается, пристально смотрит на него, но Льер смотрит на Ирэю.

– Ты знаешь, на что она способна, – произносит все так же спокойно.

Золтер кивает:

– Даже ценой клятвы жизни, – говорит он.

И уходит.

А я понимаю, что ничего не понимаю. Смотрю, как вокруг нас мельтешат пары, и в одной из них крылья девушки трепещут, словно она вот-вот собирается взлететь. Смотрю, как спина Золтера заслоняет полыхающий яростью взгляд Ирэи, и в эту минуту Льер снова подхватывает меня за талию, вовлекая в танец.

– Что происходит? – спрашиваю я, глядя ему в глаза.

– Нам нельзя просто стоять и разговаривать. Это не по этикету.

Не по этикету?!

То есть то, что происходило вот там, на глазах у всех – это по этикету, просто стоять и разговаривать – нет?

– Мне безразличен ваш этикет, – говорю я. – И я спрашивала не об этом.

– Тогда о чем? – Этот танец не менее дикий, чем был в Мортенхэйме с той лишь разницей, что сейчас я еще отчетливее чувствую его ладонь сквозь ткань платья. Не представляю, из чего оно сделано, я его почти не ощущаю, если энгерийские корсеты и кринолины заставляли вздыхать с благодарностью, когда ты от них избавляешься, сейчас я не чувствую ни малейшего неудобства.

– О том, что здесь произошло.

– О том, как ты выкинула Ирэю в портал?

– Об этом в первую очередь.

– Тебе не рассказывали о раскрытии магии в Аурихэйме?

– Мне ничего не рассказывают, – резко замечаю я. – В этом-то и проблема.

– И все же Ирэя кое о чем тебе рассказала, – произносит Льер.

Его пальцы стягивают мои так жестко, словно я собираюсь вырываться, но я не собираюсь. В этом безумии самое безопасное место – рядом с ним.

– Откуда тебе об этом известно? – спрашиваю я.

Смотреть ему в глаза ничуть не легче, чем Золтеру, возможно, именно потому, что с его аэльвэрством наша связь скреплена магией. С Льером меня не связывает ничего, но я чувствую пульсацию в ладони, которой касается он. Словно биение сердца, передаваемое из руки в руку.

– У меня свои источники информации.

И один из них только что провалился в портал.

К счастью, мне хватает ума не сказать это вслух.

– Даже если и так. Что с того? – насмешливо спрашиваю я. – Ты сожалеешь о том, что сделал, но не можешь ничего исправить.

– А если могу?

– Не можешь. Ты связан…

– Клятвой жизни, – говорит Льер. – И он только что дал мне право действовать в обход нее.

Слова – самая большая сила в Аурихэйме.

«Повелитель сказал, что с вами могут быть проблемы, аэльвэйн Лавиния. И разрешил действовать в рамках допустимого».

А допустимое здесь каждый определяет сам. Нет, убить меня или причинить настоящий вред Магистр точно не смогла бы, но она смогла сделать то, что сделала. И если я правильно понимаю, как это работает, Льер может вернуть меня домой, если… возникнет прямая угроза моей жизни. Это не убьет его и не обратит в тлен, но к чему это приведет? При одной мысли о том, что с ним сделали за один поцелуй, мне становится холодно, а клубящаяся в груди сила стягивается в ком.

– Он все равно меня вернет, – говорю я.

Зачем-то. Потому что несмотря на все, о чем я только что думала, мне отчаянно хочется вырваться из этого безумного мира. Мира, в котором мне не место, и которому не место во мне.

– Если ты лишишься девственности – нет.

– Что?!

Льер ведет меня в танце, осыпающиеся на нас серебряные искры тают, едва коснувшись его плеч под темным мундиром.

– Я сказал больше, чем мог, Лавиния. Решать тебе.

– Амалия…

– Амалию вернут в ваш мир после ритуала у Арки. Золтер дал слово.

– Откуда ты…

И тут я, кажется, понимаю. Перстень. Перстень Винсента.

«Всегда держи его при себе».

Это какие-то чары, позволяющие ему слышать меня, а мне… слышать его? Даже если он не произносит ни слова.

Ни подтвердить, ни опровергнуть свою догадку я не могу, потому что танец закончился, а в зал возвращается Золтер. Возвращается один, без Ирэи, его появление отмечено растекающимся в стороны живым коридором и поклонами, которых он не замечает, потому что смотрит прямо на меня.

Танцы здесь не прекращаются, музыка льется бесконечно, а смена партнеров происходит спонтанно. Только что на моих глазах один элленари буквально вырвал из объятий странного мужчины с блестящим черепом партнершу, а та, заливаясь смехом, тут же упала в его объятия.

Поэтому никто не обращает внимания на то, что Золтер перехватывает мою ладонь прямо в танце. И совершенно никто не обращает внимания на то, как резко он притягивает меня к себе. Телом в тело, как бесконечную собственность.

Попытка отстраниться приводит к тому, что меня еще сильнее вжимают в себя. Темный взгляд бесцеремонно оглаживает декольте, а после задерживается на моих губах.

– Потрудись объяснить, – произносит он, – по какой причине ты швырнула мою кузину в портал.

– Она на меня плохо посмотрела, – говорю первое, что приходит в голову.

Что-то мне подсказывает, что такой ответ Золтера не устроит, но он сейчас вглядывается в мое лицо. Я же осознаю, что в мире элленари швырнуть в портал за то, что на тебя плохо посмотрели – это не предел. Осознаю, и мне становится смешно, потому что Золтер представил элленари как рассудительную и разумную расу, не способную на эмоции. Впрочем, возможно, швырнуть в портал без эмоций – это верх элленарийской рассудительности. Когда я сказала, что Ирэя сообщила мне о ребенке, он вытащил ее нагую непонятно откуда, и на лице его не отражалось никаких чувств.

В эту минуту мне уже не смешно, потому что мужчина, который это сделал, сейчас вплавляется в меня взглядом, словно стараясь вытащить на поверхность самую мою суть. Рано или поздно он это сделает, и не испытает даже сотой доли сожаления. Рано или поздно, или… сегодня ночью?

В эту минуту я думаю о том, что предложение Льера не настолько абсурдное, как могло показаться на первый взгляд, и если у меня есть возможность выбрать, я бы хотела, чтобы моим

первым мужчиной стал он. Прежде чем эта мысль отразится в моих глазах и прежде, чем ее поймает Золтер, слегка шевелю рукой в его руке.

– Ваша кузина, – сообщаю я, – отметила меня долгом за то, что проводила в библиотеку.

– Ты была в библиотеке?! – его голос становится ниже, и обычно ничем хорошим это не заканчивается, но сейчас это хороший знак.

Потому что, кажется, мне удалось переключить его внимание.

– Да, – пожала плечами. – Хотела узнать про ваш мир.

И отворачиваюсь, делая вид, что меня гораздо больше интересует пара танцующих. Впрочем, стоит мне перехватить взгляд мужчины, как я понимаю, что она и правда меня интересует. У него глаза хэандаме… были бы, если бы не вертикальный зрачок. Золото полыхает в радужке, говоря о том, что его сила – антимагия, золото сверкает в волосах, и сам он противоестественный этому месту одним своим существованием. Как и его спутница, с такими же прекрасными волосами и золотом, способным накрыть весь этот зал выжигающей магию мглой.

Музыка продолжается, но мы останавливаемся, эта пара останавливается тоже. Я замечаю, что элленари обтекают их, стараясь держаться подальше, и что красивые, чувственные губы мужчины подрагивают, словно в усмешке.

– Золтер. Аэльвэйн Лавиния, – произносит он и протягивает мне руку.

Она переливается золотом, словно попала в луч солнечного света, но на моих глазах ладонь становится самой обычной, человеческой. Только тогда я решаюсь вложить пальцы в его руку и позволить коснуться ее губами. Первое человеческое прикосновение за Всевидящий знает сколько времени.

– Не думал, что ты решишь нас навестить, Аргайн.

– Разве я мог пропустить такое событие, – мужчина смотрит на него в упор. – Твоя свадьба. Ты так долго держал ее в секрете, а нам неподвластны порталы.

– И как же ты успел, позволь полюбопытствовать?

– О, я не стану раскрывать все свои секреты. Скажу только, что рад стать свидетелем столь знаменательного события. И моя сестра тоже.

Его сестра смотрит на меня, в золотых глазах – сильнейшая антимагия. Ей достаточно коснуться меня, чтобы выжечь подчистую, всю мою силу, дотла. И кажется, ей это совсем не причиняет вреда. У мужа Терезы, Анри, любой всплеск антимагии отнимает безумное количество сил. К счастью, к ней ему не приходилось прибегать уже очень давно.

– Взаимно рад нашей встрече.

Не уверена, что это так. Точнее, так, но не совсем, потому что элленари не лгут. Они играют словами, и судя по тому, как искусно это проделал Льер, ловушкой и выходом может стать самая невинная фраза. Я вдруг задумываюсь о том, что именно слово Золтера может подарить отсрочку, время, которое мне сейчас так необходимо. Вряд ли у меня получится обойти его в словесных играх, связанных с Аркой, но в том, что касается нашей близости – вполне.

Воодушевленная этой мыслью, я улыбаюсь по-настоящему.

– Как хорошо, когда все взаимно, – произносит девушка, и ее низкий голос отзывается дрожью в самой глубине моего существа, потому что ее взгляд адресован мне.

– О да. Несомненно, – я кладу ладонь на сгиб локтя Золтера.

Показывать им, что что-то не так – по меньшей мере непредусмотрительно и недальновидно. Мне кажется, или на лице элленари мелькает удивление?

Пожалуй, кажется, потому что в нем нет чувств, и встреча с «золотой парой» вряд ли может это изменить. Зато сейчас он ведет меня через зал, и подданные расступаются и кланяются, чтобы спустя миг за нашими спинами продолжить это веселье. Мы, к моему величайшему удивлению, выходим за двери, и все эти голоса и музыка тут же обрываются, словно кто-то накрыл зал колпаком.

Да, это точно «полог безмолвия», заклинание, позволяющее пообщаться без опасения, что тебя подслушают. Ну и отличный способ соблюсти тишину, когда у тебя во дворце беснующаяся толпа.

– Куда мы идем? – интересуюсь я, но Золтер молчит.

До той минуты, пока открывается портал, и мы шагаем прямо в лес. Похожий на тот, где я спасала Амалию, вот только здесь одуряюще пахнет хвоей. Так, что от свежего воздуха кружится голова, и хочется кричать от восторга. Мне, магу жизни, сам Всевидящий положил радоваться в ее средоточии, но никогда раньше я не испытывала ничего подобного. Лунный свет серебром льется сквозь тяжелые ветви, но в отличие от холода дворца, из которого мы пришли, здесь тепло, я согреваюсь мгновенно и до самого сердца. Из-за этих чувств даже не сразу замечаю, что не так, а когда замечаю, с губ срывается изумленный возглас.

Половина леса залита лунным светом, половина солнечным, а на том месте, где они сливаются воедино, застыло живое произведение искусства. Корни деревьев сплетаются над землей на высоте нескольких футов, их обвивает вьюн и бесчисленное множество цветов, взбирающихся по сплетениям мощных древесных жил. От них расходится едва уловимое свечение, а еще мягкая, теплая сила, и в эту минуту я понимаю, что мы стоим перед Аркой Благоденствия.

13

Арка Благоденствия.

Эта мысль отпечаталась во мне, как раскаленное клеймо, и пусть я готовилась к этой минуте, даже несмотря на весь творящийся здесь абсурд, не ожидала, что это будет так. Всевидящий, да я вообще не представляла, как это будет, но… неужели он о чем-то догадывается?

– Вы говорили о том, что это случится на рассвете, – у меня даже голос почти не дрожал, когда я это произнесла. – Разве нет?

– Рассвет уже наступил. Здесь.

Да-да, сила слова, и, если так подумать, рассвет здесь действительно наступил.

– К чему такая спешка? Я думала, мы будем веселиться всю ночь.

– Веселиться? Или брезгливо коситься по сторонам? – Золтер пристально посмотрел на меня. – Идем.

– Нет, – сказала я, рванувшись. – Нет. Я не пойду.

– Неужели?

Перед глазами отчетливо встал наш разговор на башне, и то, как меня спеленали, когда вели смотреть на наказание Льера. Вот только сейчас Золтер почему-то не спешил превращать меня в безвольную куклу и тащить за собой, хотя мог сделать это в два счета. Или не мог? Или здесь в кои-то веки действительно нужно мое согласие?

– Почему именно сейчас? – спросила, чтобы подтвердить свою догадку.

– Ночь схождения луны и солнца, – напомнил он.

– И?

– Такое в Аурихэйме бывает раз в сто лет.

Раз в сто лет?! То есть если сегодня пропустить этот момент, потом меня на сто лет оставят в покое? Эта мысль, совершенно сумасшедшая, пришла вместе со следующей. Льер сказал, что Золтер не отступится, пока я девственна, вот только откуда они об этом знают?! Мой брак с Майклом был тайной даже для моей семьи, никто, ни Луиза, ни даже Тереза не знали, что он ко мне ни разу не притронулся, потому что не мог.

Его флирт с другими женщинами просто не мог зайти дальше флирта, потому что у Майкла не получалось ничего. Вообще. Ему нравилась сама мысль о том, что женщины находят его привлекательным, и то, что он так далеко зашел с нашей горничной, далеко – я имею в виду, до раздевания, было скорее жестом отчаяния. Тем не менее это не отменяло того, что Золтеру об этом знать неоткуда. Просто неоткуда!

Если только не…

– Откуда вы узнали про Майкла? – прямо спросила я, сжимая кулаки.

– Откуда? – У него дернулась бровь: величайшее исполнение эмоций от его аэльвэрства! Он шагнул ко мне вплотную, но я не попятилась, наоборот, вскинула голову. – Ты разве еще не поняла, Лавиния? Тебя берегли для меня. Все это время. Все твои чувства к этому ничтожеству – это чары. Вся твоя жизнь – моя воля.

– Помочь ему я тоже не могла по этой причине, – пробормотала я.

Это был не вопрос, но Золтер ответил:

– Да.

Кажется, в эту минуту внутри меня что-то порвалось, потому что я с криком бросилась на него. Целилась в лицо, но Золтер успел перехватить: вот только сомкнуться браслеты жестких пальцев вокруг моих запястий не успели. От моих рук посыпались искры, и его оттолкнуло в сторону, впрочем, ненадолго – я бросилась за ним. Вцепившись в идеальный мундир, колотя

руками по плечам, пинаясь, что было легко сквозь эту сказочную ткань, я прошипела ему в лицо:

– Я никогда не стану вашей! Никогда! Никогда! Никогда!

На этот раз его попытка перехватить мои руки увенчалась успехом, он сдавил их так, что я вскрикнула, рывком притянул к себе.

– Я прямо сейчас могу заставить тебя смотреть на то, как твоя смертная умирает.

– И что потом? – ядовито осведомилась я, с ненавистью глядя в холеное лицо. – Что, если я даже после этого с вами не пойду? Будете ждать еще сто лет и притащите мой нарядный скелет к Арке?

– Не шути со мной, девчонка. – В глаза его впервые за все время плеснула настоящая ярость. – Или ее крики ты будешь слышать до конца своей жизни, просыпаясь ночами в холодном поту. Ньиаехт!

Это прозвучало как удар хлыста. Я снова попыталась вырваться, но тщетно, магия жизни, к которой я обратилась, взвилась вокруг нас буйством взметнувшихся над землей корней и веток, которые в мгновение ока рассыпались тленом. Лес застонал от боли, и я вскрикнула, а в следующий миг в радужку Золтера плеснула самая что ни на есть страшная тьма.

– Ньиаехт. Приведи сюда смертную.

– Нет! – взвыла я, когда сияние портала сомкнулось за спиной слуги. – Нет, пожалуйста, я пойду с вами к Арке! Не надо!

Но было уже поздно: мужчина вышвырнул Амалию к нашим ногам. Испуганная, растрепанная, она вскинула на меня огромные глаза, и я задохнулась от ужаса.

– Я пойду с вами к Арке, – выдавила через силу. – Чего вы еще хотите?!

– Чтобы ты запомнила это, – произнес он, и тело девушки выгнулось от боли дугой. Поклясться могу, он к ней не прикасался, но Амалия кричала и билась в рассыпающихся над ней изумрудных искрах, словно ее рвали изнутри.

– Не надо! – кричала я, срывая голос. – Хватит! Не надо!

Но остановился он только тогда, когда пожелал сам. Девушку колотило, но приблизиться к ней мне не позволили, Ньиаехт с совершенно непроницаемым лицом вздернул ее на ноги, прижимая к себе, как тряпичную куклу. С белым как мел, залитым слезами лицом, она дрожала всем телом, всхлипывая и хватая губами воздух.

– Нам уйти, мой повелитель? – слуга склонил голову.

– Нет. Останешься здесь до конца ритуала, – приказал Золтер и взглянул на меня. – Руку.

Я вложила руку в его ладонь. Слишком потрясенная, чтобы сказать что-либо, шла вместе с ним к переливающейся светом Арке, хотя мыслями была очень далеко отсюда. Возможно, на своем первом балу, когда Майкл впервые улыбнулся мне. Были ли его чувства тоже навеяны чарами? Хотя нет, зачем, достаточно было того, что он просто хотел исцелиться. Но исцелиться не мог, потому что чары элленари убивали любую мою попытку ему помочь.

«Вся твоя жизнь – моя воля».

Как такое может быть?

Все мои чувства, вся моя радость от первого прикосновения пальцев к пальцам… Всевидящий! Даже если принять во внимание, что для Майкла это ничего не значило, оно значило для меня. Это были мои чувства.

Нет, не мои.

– Как же я вас ненавижу, – прошептала я, когда мы оказались под Аркой.

Дико было испытывать такие чувства в этом волшебном месте, в средоточии жизни, пусть даже едва оправившейся от пощечины смерти Золтера, но я ничего не могла с собой поделать.

– Мне не нужна твоя любовь, – произнес он, а потом полоснул себя кинжалом по ладони.

Первые капли крови упали вниз и с шипением впитались в землю, когда он повернул мою ладонь, чтобы порезать ее. Боль дернула, но как-то слабо, а в следующий миг моя кровь уже

сливалась с его, когда Золтер сплел наши пальцы и вскинул руку. От арки вниз устремились вьюны, оплели наши запястья.

– Перед лицом Аурихэйма я беру эту женщину в жены, – произнес он, и эхо подхватило его слова. – Клянусь кровью и магией.

Ввысь взметнулось кружево тлена и иссиня-черная дымка, скользнувшая над нашими соединенными ладонями.

– Принеси клятву, Лавиния.

Всевидящий, я не хочу.

Мысль пришла далекой и какой-то пустой: за спиной Ньиаехт по-прежнему прижимал к себе Амалию.

– Перед лицом Аурихэйма я беру этого мужчину в мужья, – каждое слово давалось с трудом и весило, по меньше мере, сотню фунтов. – Клянусь кровью и магией.

Серебро и золотые искры взметнулись в воздух, смешались с дымкой магии смерти, впитались в нее. Узор на руке полыхнул огнем, а в следующий миг моя магия отделилась от его, вьюн соскользнул с наших рук, взорвался ослепительным сиянием. Прежде чем я успела вздохнуть, оно обрушилось вниз, и Золтера отшвырнуло в сторону.

Несколько мгновений я ничего не видела: глаза привыкали к тающему свету, напоминавшему о взорвавшемся солнце или чем-то подобном. Лучше бы не видела и дальше, потому что поднимающийся из глубокой земляной борозды повелитель Аурихэйма тоже напоминал готовое взорваться солнце. Черные от глубинной тьмы глаза, казалось, вобрали всю силу смерти, а волосы наоборот раскалились, словно их окунуло в пламя. Над Аркой оседали золотые искры, которые померкли, стоило ему взмахнуть рукой.

Я услышала сдавленный вскрик Амалии, поэтому метнулась к девушке, закрывая ее собой.

– Не смейте! – выдохнуло хрипло. – Я выполнила ваше условие! Я произнесла клятву!

– Произнесла, – несмотря на клубившуюся в его глазах тьму, голос звучал неестественно-холодно, словно через него со мной сейчас говорила Смерть. – Но видимо, в тебе было недостаточно желания, Лавиния. Недостаточно искренности, подтверждающей желание стать моей.

– О каком желании вы говорите?! – выкрикнула я, вцепившаяся в меня Амалия дрожала всем телом. – Вы не дали мне даже возможности узнать вас получше. Не дали возможности понять, зачем я вам. Если бы у меня была причина…

– Причина? – Золтер приблизился, вдавив пальцы в мой подбородок. – Тебе нужна причина, Лавиния? Что ж, одна у тебя сейчас будет.

Я не успела вдохнуть, когда Амалию швырнули в руки элленари, а меня в портал. Не сразу поняла, что оказалась в покоях Золтера: ничем иным это темное царство со вкраплениями белого и платины (или похожего на нее металла) быть не могло.

– Не смейте ко мне приближаться, – процедила, оглядываясь.

Здесь не было ничего, что могло бы мне помочь. Здесь не было жизни.

– Ты все еще мне указываешь? – хмыкнул он, и платье на мне разлетелось тленом.

Я видела, как кружатся и оседают пепельные хлопья, как жутковатый, неестественный снег, но гораздо более страшно было оказаться перед ним полностью обнаженной и услышать глухой стук: перстень брата упал к моим ногам, откатился в сторону, и я замерла.

– Что это? – спросил Золтер, шагнув ко мне.

Теперь, когда я была полностью обнажена, его пальцы на подбородке ощущались, как раскаленные тиски. Они не могли быть такими горячими хотя бы потому, что стоявший передо мной мужчина был словно сотворен из камня, но они были, и жар от них растекался по телу.

– Кольцо моего брата.

– Откуда оно у тебя?

– Оно всегда было со мной.

– Не лги. Оно появилось уже после нашего знакомства.

– Оно всегда было со мной, – повторила я.

– Льер.

Его голос не дрогнул, только глаза почернели еще сильнее: в этой тьме утонули не только зрачки, но и белки.

– Значит, близость с ним приятнее близости со мной?

Короткое мгновение замешательства (я ведь действительно об этом думала) дорого мне обошлось. Я едва успела открыть рот, когда услышала:

– Замолчи, Лавиния, – пальцы почти нежно скользнули по щеке. – Замолчи, пока я не заставил тебя это сделать.

– У нас…

Он действительно заставил. Словами «не было близости» я подавилась, а в следующий момент чуть не захлебнулась криком, который так и не сорвался с моих губ: меня швырнули на кровать, и ледяное покрывало иглами впилось в кожу. Я попыталась отползти, но меня подтянули к себе.

– Потом, – сказал он, – поделишься впечатлениями, кто тебе больше понравился. Когда я позволю.

Я задохнулась от ужаса, а после от дикого сладкого чувства, которое отозвалось на его прикосновение внутри.

«Не надо!» – хотела крикнуть я, но разумеется, не смогла.

Не смогла, только с силой уперлась ладонями в его мундир, пытаясь оттолкнуть.

Тщетно.

В моей жизни просто не могло такого случиться, но в моей жизни случилось замужество с Майклом, которое, оказывается, было частью плана элленари. Я бы очень хотела отрешиться от чувств, которые на меня обрушились, но у меня не получалось. Не получалось избавиться от наваждения скользящих по телу пальцев, на которые я откликалась дрожью.

Не я, а клятая отметина! На моем предплечье по-прежнему горела метка его принадлежности, и когда он касался ее, от бегущего по телу жара хотелось кричать в голос. Возможно, я и кричала бы, если бы не магия элленари.

«Не надо! – мысленно орала я. – Я не хочу, чтобы это было так!»

Он меня не слышал, либо не хотел слышать, потому что я падала в черные провалы глаз, в которых не было даже отголоска чувства. Все мои попытки вырваться просто оборвали, задрав руки над головой и вжимая каменным телом в кровать.

Слова «вся твоя жизнь – моя воля» неожиданно обрели совершенно иной смысл.

В ту минуту, когда внутри меня взорвалась боль, я уцепилась за нее и отвернулась, чтобы больше не видеть его лица. Может быть, эта магия способна заставить мое тело его хотеть.

Мое тело.

Но не меня.

В общем-то, мне было уже все равно: и то, что движения стали более мягкими, и то, что мои запястья освободили. Я думала только о том, когда все закончится, а на его приказ:

– Смотри на меня, – отреагировала тем, что закрыла глаза.

Достаточно было и того, что сквозь боль внутри набирала силу пульсация, унизительное желание, которым я была обязана обжигающей мою руку вязи.

– Посмотри на меня, – повторный приказ прозвучал резче. – Или мне заставить снова привести Амалию?

– Не думала, что вы еще и таким страдаете, – язвительно выдохнула я с осознанием, что снова могу говорить.

– Я не страдаю, Лавиния. Я наслаждаюсь.

– О, ну здесь вам определенно повезло, – ввернула я. И замолчала уже по собственному желанию.

Наверное, это могло бы быть по-настоящему приятно: такая мысль меня посетила, когда я содрогалась от навязанного мне наслаждения.

Наверное.

Но я этого никогда не узнаю.

– Куда ты? – резко спросил он, когда я рывком освободилась из его рук.

– Подальше от вас. В ванную, – пояснила, когда поняла, что сейчас свалюсь бревном от очередного заклятия.

– Ванная за дверью, – сообщили мне. – Не закрывать.

– Дверь? – поинтересовалась я. – Или ванную?

На самом деле я была близка к истерике, но с любой истерикой можно справиться, когда понимаешь, что рассчитывать не на кого. Кроме себя.

Точно так же я понимала, что дверь Золтера не остановит, и сказано это исключительно в воспитательных целях.

Ванная была самой обычной, если можно назвать обычной помещение длиной футов тридцать, где вместо ванны располагался утопленный в пол бассейн. Который, стоило мне войти, наполнился кристально чистой и прозрачной водой, что определенно было необычно. Отсутствие кранов тоже немного выбивалось из «обычности», но я быстро шагнула в воду. Она, на удивление, оказалась как я люблю: чуть горячее чем принято (тут уж впору смеяться, что ванная элленари единственная, кто в этом мире считается с моими желаниями). Но если начать смеяться, это уже и будет самая настоящая истерика, поэтому я окунулась в бассейн по плечи.

Вода окутала мягким покрывалом, согревая, и я прикрыла глаза. Открыла от того, что у меня звенело в ушах и кружилась голова. К саднящей боли внизу живота прибавилось странное тянущее чувство, и когда я посмотрела вниз, увидела, что вода быстро и густо окрашивается кровью.

14

Наверное, я много глупостей делала в жизни, но эта чуть не стала для меня фатальной. Горячая вода. Матушка мне говорила, что после первой близости нельзя наполнять ванну горячей водой, но говорила она это перед свадьбой с Майклом. Сегодня же мне было не до тех далеких воспоминаний, когда я смущенно улыбалась в ответ на такие откровения.

– Кровотечение я остановил, – произнес Хьерг, глядя почему-то не на меня, а на Золтера, – но в ближайшие дни лучше воздержаться от…

– Сравнений, – сказала я.

– Что? – переспросил целитель, зато брови Золтера сошлись на переносице.

Лично мне было безразлично, что там и куда у него сошлось.

– Сравнивать мне было не с чем, – сообщила я, глядя на него. – Но могу сказать, что это было самое отвратительное, что мне довелось испытать.

– Вон.

Последнее относилось к Хьергу, и целитель исчез так быстро, словно в портал шагнул, а не преодолел расстояние до двери, от которой его отделяло футов сорок.

– Я хочу к себе, – сказала я.

– Ты останешься здесь.

– Если я останусь здесь, вы не проснетесь.

Я сказала это совершенно серьезно, и мне даже не стало страшно.

– Значит, я не буду засыпать.

Я смотрела на него, пытаясь понять, какая странная магия привязала меня к нему. Хотя сейчас мне даже это было безразлично, от потери крови до сих пор кружилась голова и клонило в сон. Правда, сейчас я ясно отдавала себе отчет в том, что рядом с ним не засну. Даже если мне придется постоянно щипать себя за запястье, чтобы не закрывались глаза.

– Вы всерьез считаете, что у нас что-то получится? – спросила я.

Говорить с ним мне хотелось меньше всего, но, наверное, говорить стоило, потому что замолчать я боялась еще больше. Замолчать, свернуться клубком и утонуть в этом чувстве полного бессилия. Что-то похожее я испытала, когда почти потеряла сознание и соскользнула на дно бассейна, не в этот миг, чуть позже – когда меня рывком выдернули на поверхность и подняли на руки. В спальню меня притащил именно Золтер, он же вызвал Хьерга (который почему-то пришел не через портал, а постучал в дверь).

– Разумеется.

Умом я понимала, что в определение «чудовище» он вполне себе вписывается. В ту минуту, когда он ответил: «Разумеется», – спокойно, глядя мне в глаза, я поняла, что чудовищ до этого еще не встречала.

– Верните Амалию в наш мир.

– Она останется в Аурихэйме.

– Вы дали слово. Ритуал состоялся.

– Я сказал, что она не нужна мне, – произнес он. – И что если она не нужна тебе, она вернется в мир людей. Но она тебе нужна, твоя суть отрицает то, что ты останешься здесь одна.

И снова ловушка слов.

Сколько еще раз мне придется в нее попасть, чтобы проверять и взвешивать каждое слово элленари?

Стук в дверь.

Короткое разрешение войти.

– Мой повелитель, – Ньиаехт склонился. – Правитель Золотого двора просит об аудиенции.

– Хьерг.

Я увидела сияние портала за дверью, и целитель снова шагнул в комнаты.

– Останешься с ней, пока я не вернусь. Здесь. Выходить запрещаю.

А вот у него портал почему-то сработал, и когда Ньиаехт прикрыл за собой дверь, я посмотрела в глаза целителю.

– Почему вы открыли портал в коридор?

– Покои его аэльвэрства запечатаны личным заклинанием. Войти сюда можно только с его дозволения и все, что здесь происходит, остается только здесь.

Хорошо, что Льер не слышал меня.

Эта совершенно сумасшедшая мысль пришла в ту минуту, когда взгляд упал на перстень. Вероятно, кто-то из мужчин случайно отшвырнул его ногой, и теперь он валялся в нескольких футах от кровати. Целитель проследил мой взгляд, поднял подарок Винсента и протянул мне.

– Спасибо.

Интересно, как долго мужчина может делать вид, что не знает о случившемся? Особенно если он целитель высшего уровня.

Недолго. Это я выяснила, когда Хьерг все-таки отвел глаза.

– Помогите мне, – тихо сказала я. – Помогите мне отсюда выйти.

Слова просьбы приходилось из себя выталкивать.

– Я знаю, о чем прошу. Но я не могу…

– Аэльвэйн, – меня прервали раньше, чем я бы начала умолять, – у меня есть одна возможность отвести вас в ваши покои, но мне нужно, чтобы вы понимали, о чем идет речь. Целитель дает не только клятву жизни повелителю, которую нельзя нарушить. Он клянется, что спасение жизни первостепенно. Скажите, ваша жизнь зависит от того, останетесь ли вы здесь или вернетесь в свои покои?

Дважды повторять ему не пришлось.

– Я умру, если останусь здесь.

– Моя магия несколько иного рода, – произнес Хьерг, словно извиняясь.

По телу скользнула легкая дымка, и на мне оказалось платье. Больше похожее на нижнее (длиной и плотностью), но мне сейчас было все равно.

– Обопритесь о мою руку, – произнес элленари, откидывая покрывало, и я последовала его совету. Чувствуя себя слабее котенка, поднялась и пошатнулась, но он меня удержал.

Перед глазами то и дело темнело, по телу струился холод, но Хьерг держал крепко. Одной рукой поддерживал за талию, другой сжимал ледяные пальцы. Путь до моих комнат показался невыносимо долгим, но когда я оказалась на кровати, в окружении жизни и цветов, вздохнула с облегчением. Это того стоило, пусть даже босые ноги до сих пор пощипывал холод.

– Я дам рекомендации о том, что вам необходим покой и уединение, – произнес он. – Скажу, что у вас был серьезный приступ.

– Элленари не могут лгать, – напомнила я.

– Ваша просьба была близка к истерике, – хмыкнул он. – Так что лгать мне не придется, но это большее, что я могу для вас сделать.

На миг показалось, что в его словах прозвучало сожаление.

– Вы сделали больше, чем могли, – сказала я. – Спасибо.

А вот теперь изумление. В глазах.

Прежде чем Хьерг успел ответить, пространство раскроило сияние портала, и в мои покои шагнул Льер.

Мне казалось, что сегодня уже пережила все, что можно, но сейчас под его взглядом снова почувствовала себя обнаженной. Даже под кучей покрывал представила себя с бесстыдно

разведенными бедрами, пытающейся сопротивляться и цепляться за бесконечно ускользающее под магией сознание.

– Арка им отказала. – Голос Хьерга вытряхнул меня из странного оцепенения под жестким взглядом. – Но все, что нужно, уже произошло.

– Чудесно.

Что?!

Льер рывком выдернул меня из постели.

– Действуй быстро. Они должны напасть сразу, как только ее не станет.

Целитель кивнул, перед глазами сверкнуло жало клинка Льера. Я не успела даже вздохнуть, когда лезвие по рукоять вошло в грудь… Хьерга. Лицо элленари исказилось от боли и теперь уже настоящего изумления. По краю сознания мелькнула мысль, что ответом на мою благодарность было что-то другое. Мелькнула, и тут же исчезла: рот целителя раскрылся в беззвучном крике. Лицо пошло трещинами, как фреска, мгновение – и иссиня-черный пепел осел на ковер. Горстка тлена (все, что от него осталось), развеялась, когда в нее наступил Льер.

Только сейчас я осознала, что произошло, осознала и забилась в его руках.

– Лавиния! – Даже резкий окрик не привел в чувство, я царапалась, брыкалась, кусалась и билась в стальном захвате. – Лавиния, мне нужно вернуть тебя домой!

Осознание сказанных им слов ударило, как пощечина.

Льер осторожно опустил меня на пол, продолжая удерживать за талию.

– Я не смогу открыть портал здесь, Золтер почувствует межмировой переход, а нам нужно время. Мне предстоит многое рассказать твоему брату. О том, как тебя защитить.

Сверкнула изумрудная дымка, рассекающая пространство.

– Нет! Я не уйду без Амалии, – несмотря на то, что я едва держалась на ногах, голос звучал твердо.

– У нас нет времени.

– Я не уйду без Амалии!

Льер плотно сжал челюсти.

– Когда ты видела ее в последний раз?

– У Арки. Золтер пытал ее. С ней был Ньиаехт.

– Жди здесь, – коротко произнес он, а потом быстро шагнул в портал.

Пространство за ним сомкнулось, а я перевела взгляд на тлен, припорошивший травяной ковер. Льер отбросил кинжал, он валялся под моими ногами (оружие, поразившее бессмертного элленари). Перед глазами то и дело темнело, шум в ушах нарастал, но я все-таки наклонилась, чтобы его поднять. Коснулась рукояти, показавшейся безумно тяжелой. Что это за металл? Мне не доводилось видеть такого раньше, часть сияла, как раскаленное солнце, часть переливалась холодным лунным светом.

Напоминало единение ночи и дня, как то, что мне довелось увидеть у Арки.

Чувствуя страшную слабость в ногах, сильнее сжала кинжал, поднялась.

Как раз в ту минуту, когда портал снова раскрылся, и Льер шагнул в комнату с Амалией на руках. Голова девушки безвольно запрокинулась, руки свисали безжизненными плетьми, но грудь тяжело вздымалась. Спасибо, Всевидящий!

– Пойдем, – волны, вспарывающие пространство, подернулись легкой рябью.

Я шагнула к Льеру, но меня отшвырнуло в сторону. Кинжал вылетел из рук, перед глазами на миг потемнело.

– Как. Ты. Посмел.

Это был даже не вопрос, угрожающее шипение. Золтер выступил вперед, хлесткие плети тьмы взвились в воздух, вспарывая пространство, с шипением врезались в серебро защиты Льера.

– Нет! – вскрикнула я. – Не надо!

Он бросился ко мне, но с рук Золтера сорвались хлесткие плети тьмы. Льера отшвырнуло к стене, протащило по полу, я видела, как трескается защита, как истончается серебро и в считанные секунды разлетается осколками брызг. Он едва успел отвернуться, закрывая собой Амалию, когда на него вновь обрушилась смерть. Мундир под магией смерти лопнул, тьма с шипением вгрызлась в спину: совсем как тогда, на площади.

Льер резко обернулся: с искаженным от боли лицом, одной рукой по-прежнему удерживая Амалию. Черная до синевы глубинная тьма обрушилась на правителя Аурихэйма, но цели не достигла.

Магия словно ударилась о невидимый щит, с неслышным воем отпрянула обратно.

– Считал, что способен бросить мне вызов? Мне, мальчишка?! – Голос Золтера был полон холодной ярости.

Тьма подчинялась ему, как живая. Каждая ее частица, частица первозданной магии, была наполнена такой силой, от которой по коже шла дрожь. Мне доводилось чувствовать сильнейшую магию, когда тренировался Винсент, но эти чувства не шли ни в какое сравнение с тем, что сейчас обрело свободу здесь. Невидимые нити пронизывали пространство, заставляя его дрожать натянутой струной от клубящейся страшной силы. Тьма сгущалась с каждой минутой, чувство было такое, что из мира вытянули весь свет и тепло.

Едва восстановившуюся защиту Льера разорвало в клочья, следующий удар опрокинул навзничь. Амалию он по-прежнему закрывал собой, но ладони дрожали. Он пытался подняться, с губ срывались хриплые вздохи.

Золтер едва шевельнул пальцами, и клубы тьмы свернулись удавкой на шее Льера.

Вздохи оборвались.

Я хотела зажмуриться, но не могла. Вся сила, которая змеилась по комнате черной отравой, собралась в смертельной петле, хлынула в нее. Лицо Льера исказилось от боли, грань поглотила цвета.

Ладонью нащупала рукоять кинжала. Дрожа от напряжения, раскрылась на полную, собирая всю магию из своей комнаты. До последней частицы.

Рывком поднялась.

Золтер обернулся в тот миг, когда я обрушила на него коренья и вьюны, обрывки взметнувшейся из-под ног травы. Они обратились в тлен, едва успев коснуться его аэльвэрства, но удар в грудь вышел точным. Я знала, где сердце, и знала, куда бить, чтобы наверняка. Не то шипение, не то вой обрушились на меня со всех сторон. Лопнула душившая Льера удавка.

Его крик:

– Лавиния, нет! – И обжигающая, раздирающая на части боль в груди слились воедино.

Рукоять кинжала под моими пальцами раскалилась, огонь волос повелителя в миг стал мертвенно-серым, под кожей взрывались темные сосуды. Я увидела, как его аэльвэрство рассыпается сотней тысяч пепельных хлопьев, которые подхватывает волна магии неслыханной силы. Глубинная тьма схлынула, оставив после себя ледяную дрожь во всем теле и засохшие цветы. Еще несколько секунд они держались, потом посыпались вниз, как истлевшая бумага. То, что было живым навесом, крошкой падало на мои плечи, на лицо, оседало на волосах.

Боль, разрывающая тело на части, стала сильнее.

Льер рванулся ко мне.

И я рухнула ему на руки.

15

Из темноты я выплывала под голоса: низкий, что-то среднее между ломающимся голосом мальчика и женским, и…

– Да, теперь я могу поклясться, что с ней все будет в порядке, ваше аэльвэрство. Самое страшное позади, ее жизни больше ничего не угрожает.

– Хорошо. Можешь идти.

Я вздрогнула и широко распахнула глаза. Золтер стоял, сложив руки на груди, в двух шагах от моей постели. Женщина-элленари поклонилась и исчезла за дверями раньше, чем я успела ее рассмотреть. Впрочем, сейчас я вряд ли бы стала ее рассматривать, потому что взгляд прочно приклеился к повелителю Аурихэйма.

– Нет, – прошептала я. – Нет. Это невозможно.

– Свою радость принято выражать иначе, Лавиния. – На лице его не дрогнул ни один мускул. – Ты достаточно пробыла в Аурихэйме, чтобы понять, что здесь возможно все.

Я все еще не могла поверить. Глубоко вздохнула, пытаясь прийти в себя, собраться с силами, чтобы принять это осознание, но внутри меня колотило.

– Ты чуть не умерла, – продолжал он. – Потому что мы связаны.

Отпрянуть я не успела, Золтер указал на руку, на которой пульсировал узор. Пульсация была довольно ощутимой, я не обратила на нее внимания лишь потому, что мне было не до нее.

– Советую учесть это на будущее. Твоя смерть меня лишь временно ослабит, моя – тебя убьет. К твоему счастью, меня не так-то просто убить, девочка.

Я молчала. Просто не знала, что сказать, потому что все случившееся не укладывалось у меня в голове. Несколько коротких (или невыносимо долгих?) дней изменили меня до неузнаваемости, перевернули с ног на голову всю мою жизнь, заставили поверить в тех, кого я считала сказками, вот только сказка эта оказалась страшной. В ней магия жизни давала мне силу, чтобы жизнь отнять. Мужчина передо мной был ожившим кошмаром, и он… он определенно был жив. В отличии от…

– Льер и Амалия? – вырвалось у меня.

Лицо Золтера стало хищным.

– Льер, – произнес он. – Казнен за измену. Лично мной. На месте. Упоминать его имя я тебе больше не советую. И прежде чем ты совершишь очередную глупость – за все теперь будет платить Амалия.

– Она жива?!

– Пока что. И будет жива, если ты будешь вести себя хорошо.

– Будьте вы прокляты!

– Не стоит это повторять. Особенно после того, что ты сделала, Лавиния.

От того, как он это произнес, внутри шевельнулся страх. Низменный, животный, из тех чувств, противиться которым сложно, когда перед тобой наделенный абсолютной властью тот, чья сила в разы превосходит любую известную и понятную мне магию. В ту минуту, когда я об этом подумала, Золтер шагнул ко мне. Отпрянуть не успела, да и некуда была: за спиной подушки и спинка кровати, впереди – только он.

– Сейчас мне надо уйти, но ты не выйдешь из этой комнаты без моего дозволения. Не сделаешь отсюда ни шагу. Запирать я тебя не стану, но если нарушишь запрет – поплатится Амалия. Если попытаешься что-нибудь сделать с собой – она будет умирать очень долго и очень страшно.

Пальцы скользнули по моему подбородку в ужасной ласке.

– Ты меня поняла?

– Поняла, – ответила холодно.

Зная, что самое последнее, что я могу сейчас сделать – это отвести взгляд.

– Чудесно.

Он отстранился, и, к моему величайшему облегчению, быстро покинул комнату, оставив меня одну.

Это место было мне незнакомо. В иссиня-черный вплеталось серебро, мебель напоминала ту, что вошла в моду в Энгерии пару лет назад. Менее массивная, чем привычная глазу из прошлого века. Мое тридцатилетие пришлось на начало нового века, века слияния магии и прогресса, как называл его мой брат. В нашем мире активно развивалась артефакторика, дирежаблестроение, интеграция магии в научные достижения набирала обороты.

Но я ничего этого не увижу.

В этот момент я осознала это четко, как никогда.

Мааджари стремились к абсолютной власти магии, их последователи в нашем времени хотели воспрепятствовать прогрессу и прогнуть мир обратно, под тяжелую руку аристократов, наделенных силой. Мой брат никогда таким не был, обладая сильнейшей магией, стоя у власти, он никогда не стремился разрушить то, что создают другие.

Мой брат.

Вздрогнула, осознав, что перстень Винсента у меня на пальце. Кратковременное облегчение сменилось воспоминанием о том, кто его мне вернул.

Льер.

«Казнен за измену. Лично мной. На месте».

Эти слова отозвались внутри странной, пугающей пустотой, поэтому я отбросила ее и поспешно поднялась. Поразительно, но голова уже не кружилась, хотя я даже не представляла, сколько времени прошло с той ночи. Сутки? Двое? Неделя? Ответов на мои вопросы не было, только пасмурное бесконечно грозовое небо и рассекающие его молнии. Отсюда море было видно лучше, глубину свинцовой воды вспарывало стальное кружево гребней волн.

Как мне бороться за свою свободу и за себя, пока здесь Амалия?

Высота притягивала взгляд. Камень замка уходил вниз, грязно-серый, почти черный, такой же холодный и безучастный, как сердце повелителя Аурихэйма. Впрочем, сейчас я уже сомневалась, есть ли у него вообще сердце. Если принять как данность, что нет, становится понятно, почему он не умер. Бить в пустоту бессмысленно: то, что не существует, нельзя пронзить и уничтожить тоже невозможно.

Поймала себя на том, что кручу перстень: туда-сюда, все сильнее сжимая его дрожащими пальцами. Разбивать зеркала уже вошло в привычку, только на этот раз я запустила в него тяжеленным подсвечником, который стоял на тумбочке у кровати. Осколки брызнули в разные стороны, и пусть в Энгерии это считалось плохой приметой (за каждое разбитое полагалось пять лет несчастья), сейчас это вызвало у меня только смех.

Смех, который я оборвала, зажав руками рот.

Нельзя позволять себе срываться.

Нельзя.

Капля крови – и мир раскрылся, снова впуская меня в жизнь Винсента. На этот раз он стоял в кабинете, который я видела впервые. Кажется, в Энгерию пришла весна: за окном сияло ослепительно-яркое солнце, лучи которого смывали весь холод долгой зимы. Полыхало, раскрашенное им, здание центрального банка, на которое словно плеснули свежей краски. Бельта, река, даже летом зачастую «радующая» серой тяжестью, сейчас сверкала как лесной ручей.

– Винс.

– Ваша светлость.

Брат обернулся, встречаясь с цепким пронизывающим взглядом лорда Альберта Фрая. Впрочем, лордом ему недолго осталось быть: за особые заслуги перед отечеством и предотвращение опасного заговора ему скоро даруют земли и титул. Быть теперь лорду графом.

– Ваша светлость, – подчеркнуто вежливо произнес он и поморщился. – Зря ты это затеял. Я обещал, что я ее найду, и я ее найду.

– Ты обещал, что будешь на моей стороне, а потом отправил мою сестру к Эльгеру.

В прошлом лорд Фрай действительно отправил Терезу шпионить за Симоном Эльгером, одним из опаснейших магов. Было это очень давно, но Винсент ему так и не простил предательства. Впрочем, такого я бы тоже не простила.

– Я отправил ее к ее мужу.

И это тоже правда. В те годы Анри работал на вэлейскую разведку. Сейчас он тоже на нее работает, или, если быть точным, она работает на него, потому что он ее возглавляет.

– Еще скажи, что ты руководствовался исключительно благими намерениями, – процедил Винсент.

Определить, когда брат в ярости, труда не составит: его взгляд тяжелеет, а плечи разворачиваются еще сильнее, словно он собирается нападать.

– Мы вам не мешаем? – Голос Терезы раздался так неожиданно, что я вздрогнула.

Поворот головы Винсента, и вот уже я смотрю на нее, на ее мужа и на человека, который стал причиной размолвки Луизы и Винсента. Этот человек – сын Симона Эльгера, самый сильный (не побоюсь этого слова) маг нашего времени, постигший бесчисленное множество тайн и запретных знаний мааджари.

Они с братом смотрят друг на друга, и в воздухе сгущается напряжение.

Лорд Фрай, Тереза, Анри размываются, словно в восприятии Винсента самое главное и самое ненавистное стоит перед ним. Тем не менее именно брат делает первый шаг, приближаясь к нему. По лицу Эльгера сложно что-то прочесть, но он слегка разминает пальцы, как если бы долго держал трость.

– Чтобы сказать что-то конкретное, – наконец, произносит он, – мне нужно увидеть комнату, из которой ее забрали.

Тишина становится еще более напряженной.

А потом брат протягивает ему руку.

Часть 2

Пленница

1

Из сна меня выдернули так же резко, как из кресла. Последнее я поняла, оказавшись лицом к лицу со злющим, как стадо демонов, его аэльвэрством. В жизни не видела, чтобы Золтер так раздувал ноздри, у него разве что глаза темнели до смертельных глубин, и не уверена, что иносказательно. Это я тоже осознала спросонья, какой-то задней мыслью, как и тот факт, что вглядевшись в мое лицо, меня поставили на ноги, и что до этого я болталась в воздухе в его руках.

– Что это значит? – ледяным тоном поинтересовалась его аэльвэрство.

– Что именно? – уточнила я, глядя ему в глаза.

Перед тем как заснуть в кресле (упаси Всевидящий заснуть в кровати, а потом обнаружить рядом его даже случайно), я для себя решила, что не позволю страху взять надо мной верх, что не сдамся и продолжу искать. Не представляю, на что способен Эльгер, но если существует способ помочь моим родным вытащить меня отсюда, сидеть сложа руки я не имею права. Да и в конце концов, что мне тут еще делать? Страдать по безвозвратно утраченной невинности и считать дни до той минуты, когда Золтеру вздумается повторить?

– Это, – он указал на разбитое зеркало. – Мне кажется, или я говорил, что за все глупости платить будет Амалия?

Какое-то время я смотрела на него, пытаясь понять, о чем он вообще говорит, потом до меня дошло. По всей комнате были разбросаны осколки, на одном (который подчиняясь движению его руки взмыл в воздух и застыл рядом с нами) – моя кровь. Учитывая, что когда засыпала, я сползла пониже, чтобы не так болела спина, а руки вполне могли соскользнуть с подлокотников, со стороны это выглядело… так, как выглядело.

– Вы что, решили, что я собираюсь свести счеты с жизнью? – холодно поинтересовалась я.

– Я спросил, – жестко произнес он, – что все это значит.

– Зеркало разбилось. Я поранилась, – хмыкнула я и отвернулась.

Точнее, попыталась отвернуться, но мне не позволили. Перехватили пальцами за подбородок, разворачивая мое лицо к себе и вглядываясь так пристально, что я почувствовала себя обнаженной. Во всех смыслах. Несмотря на данное себе обещание, сейчас мне отчаянно хотелось спрятаться, и не только потому, что от прикосновения-клейма по телу разливался огонь. Меньше всего мне сейчас хотелось, чтобы Золтер узнал про брата и про Эльгера.

Он ведь не может читать мои мысли?

Или может?

После чудесного воскрешения я не представляла, на что еще способны элленари, поэтому уже ничему не удивилась бы. Поэтому смотрела ему в глаза, а внутри дрожала, как натянутая струна. Поэтому мысленно глубоко вздохнула, когда он меня отпустил.

– Тебе принесут обед и одежду, – последовало очередное сообщение в приказном тоне. – Потрудись съесть все, служанка останется с тобой и за этим проследит. Равно как и за тем, чтобы ты выпила восстанавливающее зелье.

– Как трогательно, – заметила я. – А если не потружусь?

В ответ меня наградили убийственным взглядом, и я прикусила язык. Будь я здесь одна, мне было бы гораздо легче, но я была не одна. Золтер развернулся, чтобы уйти, и я сжала кулаки.

– Я могу увидеть Амалию?

– Не сегодня.

– Сегодня. Я должна убедиться, что с ней все в порядке.

Он обернулся. Резко.

– Мне кажется, или я говорил тебе, что она жива?

– Слово «жива» мне ни о чем не говорит. Особенно из ваших уст.

Вот теперь глаза у него потемнели.

– Вместе с одеждой тебе принесут ее, – сообщил он. – Если ты так желаешь ее увидеть.

Я похолодела.

– Что скажешь, Лавиния?

– Я вас ненавижу.

– Вполне ожидаемо. Сегодня вечером ты нужна мне здоровой и полной сил, поэтому ты поешь и выпьешь зелье, – он шагнул ближе. – Чуть позже за тобой придут, чтобы проводить ко мне, и мы отправимся на охоту.

– Куда? – уточнила я.

– Тебе незнакомо слово «охота», Лавиния?

– Вы окончательно сошли с ума?! – выдохнула я. – Я – маг жизни, и точно не собираюсь смотреть, как вы кого-то убиваете!

– Маг жизни? – элленари приблизился так быстро, что я не успела отпрянуть. Перехватил мои руки, вжимая ладонь в ладонь. – Не так давно ты вонзила кинжал мне в грудь.

От его близости и прикосновений, больше похожих на ласки тисков наковальни, по телу шли волны ненавистной мне дрожи.

– Ты убила бы меня, девочка. Без малейших сожалений. – Золтер прижал мои ладони к своей груди, и от удара в них я вздрогнула, потому что он отозвался во мне, и на миг в темных глазах я увидела свое отражение. Странное чувство оборвалось, когда он резко меня оттолкнул: – Считай эту охоту своим наказанием.

Элленари вышел так быстро, что я не успела даже ответить, а впрочем, ответить мне было нечего.

Что из себя представляет охота, я знала только по книгам и рассказам некоторых джентльменов (с которыми, впрочем, предпочитала далее не иметь дел). Брат никогда не благоволил этому времяпровождению: не столько из уважения к моей магии, сколько потому, что не видел смысла загонять априори более слабое существо. Да, у Винсента было море недостатков, но бессмысленно жестоким назвать его было нельзя.

В отличие от Золтера.

Впрочем, о чем это я. То, что для меня жестокость, для элленари просто стиль жизни.

Как выяснилось, «проводить к нему» означало не в покои, а к месту сбора, и я мысленно вздохнула с облегчением. Не представляла, что буду делать, когда снова там окажусь. События ночи, когда не состоялась наша свадьба, сейчас казались далекими и размытыми, словно в тумане, и мне хотелось, чтобы так и оставалось дальше. Хотя бы первое время.

Сколько у меня этого времени, я не знала.

В нашем мире за заговор против короны полагается смертная казнь, в мире элленари тоже.

Почему я до сих пор жива?

Глубоко вздохнула, стараясь справиться с чувствами; бесшумно ступающая рядом девушка вопросительно взглянула на меня. Она назвалась Лизеей, и судя по заостренным ушам и разрезу глаз, тянущемуся к скулам, хотя бы наполовину точно была элленари. Тем не менее я не увидела в ней превосходства, ни разу не услышала от нее слова «смертная».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.